

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

А.Е. Чечетин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БАРНАУЛ
2022

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

А.Е. Чечетин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Научно-практическое пособие

Барнаул
2022

УДК 343.102:342.7(075.8)
ББК 67.401.133.11я73+67.400.12я73
Ч–571

Рецензенты:

Железняк Н.С. – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юрид. наук, проф. Сибирского юридического института МВД России;

Луговик В.Ф. – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юрид. наук, проф. Омской академии МВД России.

Чечетин, Андрей Евгеньевич.

Ч–571 Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие / А.Е. Чечетин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 136 с.

ISBN 978-5-94552-492-7

В пособии дается краткий анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых по жалобам граждан на нормы федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», показываются типичные ошибки практики его применения, а также комментируются правовые позиции по вопросам оперативно-розыскной деятельности.

Предназначено для курсантов, слушателей и студентов, изучающих основы оперативно-розыскной деятельности в вузах МВД России, а также для сотрудников оперативно-розыскных служб органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.102:342.7(075.8)
ББК 67.401.133.11я73+67.400.12я73

ISBN 978-5-94552-492-7

© Чечетин А.Е., Шатохин И.Д.,
Шмидт А.А., 2022

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2022

Список используемых сокращений

Верховный суд, ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации.

Европейский суд, ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека.

Закон о наркотиках – Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Закон о полиции – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Закон об адвокатуре – Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Закон об ОРД – Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Конституционный суд, Суд, КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации.

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации.

НОН – незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

ОВД – органы внутренних дел.

ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

ОРМ – оперативно-розыскные мероприятия.

ПЗН – проверочная закупка наркотических средств и психотропных веществ.

ПТП – прослушивание телефонных переговоров.

СИТКС – снятие информации с технических каналов связи.

СТС – специальные технические средства.

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

ФСБ России – Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

Введение

Конституция Российской Федерации, закрепляющая в ст. 2 обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, в ч. 3 ст. 55 допускает возможность их ограничения федеральным законом «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты... прав и законных интересов других лиц...». Эти конституционные положения имеют непосредственное отношение к оперативно-розыскной деятельности – одной из государственно-правовых форм борьбы с преступностью, которая по своему характеру, целям и способам их достижения не может не ограничивать конституционных прав лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления. При этом законодатель к числу основных принципов оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в ст. 3 Закона об ОРД, отнес уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, возможность ограничения прав и свобод личности в процессе ОРД должна реализовываться на основе их уважения и соблюдения, т.е. в строгих рамках и пределах, установленных законом. Иными словами, ограничения прав и свобод при осуществлении ОРД должны быть соразмерными конституционно защищаемым целям.

В то же время реализация принципа уважения и соблюдения прав и свобод личности в оперативно-розыскной практике встречается со значительным числом разнообразных проблем, о чем свидетельствуют жалобы, поступающие в Конституционный Суд Российской Федерации. Свое первое решение по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав положениями Закона об ОРД Конституционный суд вынес 5 июня 1997 г.¹, а к концу 2021 г. их количество превысило три сотни. Несмотря на то, что подавляющей частью этих решений заявителям было отказано в принятии жалоб к рассмотрению ввиду их несоответствия установленным законом критериям допустимости, эти так называемые «отказные» определения с очевидностью показывают недостатки оперативно-розыскной практики, порождающие правовые конфликты и дающие поводы для жалоб на нарушение конституционных прав.

¹ Определение КС РФ от 5 июня 1997 г. № 72-О.

Выявляемые в ходе изучения жалоб граждан проблемы неправильного применения норм Закона об ОРД, приводящие к нарушению конституционных прав личности, в большинстве случаев не могут быть устранены самим Конституционным судом, поскольку это выходит за пределы его компетенции. Эти проблемы должны устраняться прежде всего непосредственно самими субъектами ОРД, а также судами общей юрисдикции при рассмотрении жалоб на действия оперативно-розыскных служб и при разбирательстве по существу уголовных дел. Для этого необходимо знать содержание решений Конституционного суда, вынесенных по жалобам граждан, в т.ч. и «отказных» определений. В его судебных актах сформулированы обязательные для исполнения правовые позиции и дано конституционно-правовое толкование отдельных положений Закона об ОРД, имеющее существенное значение для правоприменительной практики и позволяющее упорядочить оперативно-розыскные правоотношения. По своей юридической природе решения Конституционного суда являются правовыми актами особого рода, обладающими определенными прецедентными и преюдициальными свойствами¹, а по своей юридической силе относятся к высшему (конституционному) уровню правового регулирования ОРД наряду с Конституцией РФ². Эти оценки подчеркивают значимость решений Конституционного суда для всей системы законодательных и иных нормативных актов, регулирующих ОРД.

Наиболее важным и содержательным из числа первых решений Конституционного суда по вопросам ОРД стало Определение от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой, в которой оспаривались нормы сразу 6 из 23 статей Закона. Сформулированные в этом Определении правовые позиции приобрели методологическое значение для оценки качества Закона об ОРД применительно к иным оперативно-розыскным ситуациям и получили свое дальнейшее развитие при вынесении решений по многим другим обращениям. Важные правовые позиции, касающиеся

¹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. С. 164.

² Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2018. С. 52.

практики применения Закона об ОРД сформулированы также в определениях Конституционного суда от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 1 декабря 1999 г. № 211-О, от 9 июня 2005 г. № 327-О, от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 8 февраля 2007 г. № 1-О, от 1 апреля 2008 г. № 386-О-О и некоторых других.

Существенный вклад в развитие конституционно-правовой основы ОРД внесло Постановление КС РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П по делу о проверке конституционности положений п. 7 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 9 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова. Это первое в истории Конституционного суда решение по жалобам на нормы Закона об ОРД, вынесенное в форме постановления, поскольку все прежние решения выносились исключительно в виде определений.

Целью предлагаемого научно-практического пособия является ознакомление курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, а также сотрудников оперативно-розыскных подразделений МВД России с решениями Конституционного суда по вопросам применения норм Закона об ОРД и содержащимися в них правовыми позициями. Знание этих правовых позиций при изучении курса «Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» необходимо для правильного понимания механизма реализации принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ОРД. Для повседневной же оперативно-розыскной практики эти знания позволят правильно применять нормы Закона об ОРД в конкретных оперативно-розыскных ситуациях, минимизируя тем самым риски правовых конфликтов и жалоб на действия оперативных сотрудников.

Для удобства использования анализируемые решения систематизированы применительно к основным сферам ОРД, которые более всего вызывают юридические споры и порождают обращения в Конституционный суд. Полные тексты анализируемых в этой работе решений Конституционного суда содержатся в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», других справочно-правовых системах, а также на официальном интернет-портале Конституционного суда <http://www.ksrf.ru.>, а потому в постраничных сносках пособия не указываются источники их официальной публикации.

Раздел 1

Типичные поводы жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации на нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»

Поводами для обращений в Конституционный суд, как правило, являются имевшие место, по мнению заявителей, нарушения их конституционных прав нормами Закона об ОРД, на основании которых проводились те или иные оперативно-розыскные мероприятия. Изучение этих обращений позволяет выявить наиболее типичные причины для такого рода жалоб, указывающие в свою очередь на конкретные недостатки оперативно-розыскной практики, требующие своего устранения.

Анализ материалов жалоб граждан в Конституционный суд на нормы Закона об ОРД свидетельствует, что каждая третья из них связана с такими направлениями деятельности правоохранительных органов, как пресечение незаконного оборота наркотиков, а каждая четвертая – с действиями по раскрытию коррупционных преступлений. Отсюда следует, что именно эти направления использования оперативно-розыскных сил, средств и методов ОРД нуждаются в первоочередном совершенствовании и усиленном контроле со стороны уполномоченных субъектов.

Немалый интерес, по нашему мнению, представляет вопрос о том, какие статьи Закона об ОРД чаще всего оспариваются в Конституционном суде, поскольку это позволяет сосредоточить внимание на более глубоком толковании этих норм, позволяющем их правильно применять на практике. Проведенный анализ показал, что больше всего претензий предъявляется к ст. 6, закрепляющей перечень оперативно-розыскных мероприятий, которая становилась предметом оспаривания в половине от общего числа поступивших жалоб. Почти в каждой третьей из них ставился вопрос о проверке конституционности положений ст. 8, закрепляющей условия проведения ОРМ; в каждой четвертой – ст. 9, устанавливающей порядок получения судебного разрешения на проведение ОРМ; в 11% жалоб оспаривались положения ст. 7, закрепляющей основания проведения ОРМ; в 7% – ст. 11 и 12, регламентирующих направления использования результатов ОРД и защиту сведе-

ний в сфере ОРД; в 5% жалоб – ст. 5, закрепляющей основные положения соблюдения прав человека при осуществлении ОРД¹. Таким образом, подавляющее большинство жалоб связано с применением норм закона, регулирующих проведение ОРМ, их основания, условия и использование их результатов в процессе доказывания. Это касается, прежде всего, проведения таких ОРМ, как проверочная закупка наркотиков, оперативный эксперимент, обследование жилища, наблюдение с использованием аудио- и видеозаписывающей аппаратуры, прослушивание телефонных переговоров. В связи с этим практике проведения именно этих ОРМ на страницах данного пособия будет уделено особое внимание.

Для правильного понимания сущности и содержания принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности немаловажное значение имеет вопрос, о нарушении каких конституционных прав чаще всего пишут заявители.

В числе наиболее распространенных поводов конституционных жалоб выступает проблема обеспечения **права на судебную защиту** в процессе ОРД, на нарушение которого указывалось почти в 40% обращений граждан. Чаще всего это связывается с отказами судов в удовлетворении ходатайств о признании недопустимыми доказательств, полученных на основе использования результатов ОРД (35%); с отказами в признании нарушения прав заявителей действиями оперативных сотрудников (29%) либо с отказами в принятии к рассмотрению жалоб на действия оперативно-розыскных органов (25%).

Проблема обеспечения права на судебную защиту от неправомерных действий оперативных сотрудников впервые была поставлена в упомянутой выше жалобе гражданки И.Г. Черновой, в отношении которой было заведено дело оперативного учета и проводились негласные ОРМ, включая наблюдение и прослушивание ее телефонных переговоров. Однако сведения, послужившие основанием для оперативной проверки, не нашли своего подтверждения, и дело оперативного учета было прекращено. Руководствуясь положением ст. 5 Закона об ОРД, наделяющей лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном

¹ Суммирование этих данных превышает 100%, поскольку во многих жалобах оспаривались положения одновременно нескольких статей Закона об ОРД.

законом порядке, правом на истребование от оперативно-розыскного органа сведений о полученной в отношении него информации в ходе проведения ОРМ заявительница обратилась с соответствующим требованием. Однако руководство УВД отказало в его удовлетворении, мотивировав тем, что по результатам оперативной проверки не выносилось процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела, что согласно ст. 5 Закона об ОРД является одним из условий представления такого рода информации. Имея достаточные основания полагать, что ОРМ проводились в связи с публикацией в газете «Комсомольская правда» ее критических статей о злоупотреблениях руководства Управления внутренних дел, И.Г. Чернова обратилась в областной суд с заявлением о признании незаконными проводившиеся в отношении нее ОРМ и отказ в предоставлении ей в допустимых пределах полученной о ней информации в соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД. Однако суд признал действия оперативников соответствующими закону и посчитал невозможным удовлетворить ее требования об ознакомлении с полученными по делу сведениями ввиду их секретности.

Анализируя это решение, нельзя не отметить, что ст. 5 Закона об ОРД конкретно и жестко определила круг лиц, имеющих право на ознакомление с информацией, полученной в процессе ОРД. К их числу законодатель отнес лишь тех граждан, в отношении которых в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления, а поскольку в отношении И.Г. Черновой указанные процессуальные решения не выносились, то исходя из буквального толкования положений указанной статьи отказ в предоставлении запрашиваемых сведений формально соответствовал Закону об ОРД. Понимая это, заявительница неоднократно обращалась в УВД с ходатайствами о принятии конкретного процессуального решения по результатам оперативной проверки, но ответа на них не получила.

В своем решении по результатам рассмотрения жалобы И.Г. Черновой Конституционный суд по существу дал расширительное толкование оспариваемого положения ст. 5 Закона об ОРД, указав на то, что при неподтверждении данных о признаках преступной деятельности проверяемого лица и, следовательно, при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению. Это, в

свою очередь, позволяет такому лицу истребовать сведения о полученной о нем информации, а в случае отказа – обжаловать его в суд¹. Таким образом, он распространил право на ознакомление с полученной в процессе ОРД информацией на лиц, причастность которых к преступной деятельности не подтвердилась, но при этом процессуальные решения реабилитирующего характера не выносились.

Руководствуясь этой правовой позицией высшего органа конституционного контроля, Волгоградский областной суд при повторном рассмотрении искового заявления И.Г. Черновой своим решением от 21 июня 1999 г. признал незаконным отказ оперативно-розыскного органа в ознакомлении ее с истребуемыми сведениями и обязал УВД предоставить их ей в установленных законом пределах. Этим же решением были признаны незаконными заведение в отношении журналистки дела оперативного учета, получение судебного разрешения на прослушивание ее телефонных переговоров, сбор информации о ее частной жизни и проведение за ней наблюдения².

История с отказом в предоставлении полученных в ходе ОРМ сведений через десять с лишним лет повторилась в деле другого заявителя, которому также было отказано в ознакомлении со сведениями оперативно-розыскного характера, послужившими поводом для дополнительного таможенного контроля в форме досмотра товаров, задекларированных им в государственной таможенной декларации. В результате производства таможенных действий информация о нарушении им таможенного законодательства не подтвердилась. В конституционной жалобе справедливо был поставлен вопрос о нарушении права на судебную защиту, поскольку суды общей юрисдикции согласились с законностью отказа в предоставлении запрашиваемых сведений, мотивировав это отсутствием в деле заявителя процессуальных решений реабилитирующего характера, как это предусмотрено ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД³. Конституционный суд в своем Определении по данной жалобе

¹ Определение КС РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О.

² Малышева А.Ж. Дело № 5. Ирина Чернова против УВД Волгограда. М.: Галерея, 2000. С. 157.

³ Определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. по делу № 56-Г11-32 // Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 14437/9-01/12 от 24 сентября 2012 г.

воспроизвел сформулированную в Определении по жалобе гражданки И.Г. Черновой правовую позицию по этому вопросу и подчеркнул, что положения ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД должны применяться с учетом этой правовой позиции¹.

Из приведенных решений Конституционного суда вытекает обязанность сотрудников оперативно-розыскных служб обеспечивать реализацию права граждан на ознакомление с полученными в ходе ОРМ сведениями в установленных законом пределах, если информация, послужившая основанием для их проведения, не подтвердилась. При этом данное право подлежит обеспечению независимо от того, выносилось какое-либо реабилитирующее процессуальное решение или нет.

Нарушение права на судебную защиту нередко связывается заявителями с отказами оперативных сотрудников в предоставлении им копий судебных решений, разрешающих проведение ОРМ, что зачастую препятствует обжалованию законности таких актов. В подтверждение этому в материалах обращений приводились конкретные факты отказов судов в рассмотрении жалоб на судебные решения о проведении ОРМ ввиду непредоставления заявителями их заверенных копий. Причины таких конфликтных ситуаций отчасти обусловлены недостаточной согласованностью законодательных норм, поскольку согласно ч. 3 ст. 12 Закона об ОРД судебные решения на право проведения ОРМ хранятся только в органах, осуществляющих ОРД, а в то же время требования к кассационной жалобе, установленные в ст. 401.4 УПК РФ, предусматривают обязательность приложения к жалобе заверенной судом копии обжалуемого судебного решения.

Рассматривая такого рода обращения, Конституционный суд разъяснил, что нормы УПК РФ не содержат положений о возможности отказа в рассмотрении жалобы в случае непредставления подавшим ее лицом копии обжалуемого решения, а вышестоящий суд сам вправе истребовать любое уголовное дело и тем самым восполнить указанный недостаток, если копия обжалуемого решения не может быть представлена лицом по независящим от него причинам². Эта правовая позиция получила свое развитие в решении Конституционного суда по жалобе заявителя, который при

¹ Определение КС РФ от 22 ноября 2012 г. № 2046-О.

² Определение КС РФ от 21 декабря 2006 г. № 590-О.

рассмотрении его уголовного дела в суде первой инстанции был лишен возможности оспорить судебные решения о проведении в отношении него ОРМ, поскольку они не были приобщены к материалам дела. Ходатайства стороны защиты об истребовании и исследовании в судебном заседании судебных решений, послуживших основанием для проведения ОРМ, были отклонены судом со ссылкой на то, что данные судебные акты составляют государственную тайну и должны храниться только в органе, осуществляющем ОРД. Отвечая на доводы заявителя, Конституционный суд в своем решении по данной жалобе отметил, что в случае направления уголовного дела для судебного разбирательства по существу предъявленного обвинения гражданин не лишается права на обжалование как самих судебных решений на проведение ОРМ, так и действий органов, осуществляющих ОРД. Отсутствие возможности знать содержание судебного решения, на основании которого лицо было ограничено в правах, не является препятствием для его обжалования. В Определении также подчеркивалось, что отсутствие судебного решения или его копии в материалах уголовного дела не исключает возможности оспаривания допустимости использования в качестве доказательств материалов, полученных при проведении ОРМ, в т.ч. в порядке надзора¹.

Анализ материалов конституционных жалоб, связанных с обеспечением гарантированного ст. 24 Конституции РФ права на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы граждан, показывает, что оперативные сотрудники при представлении следователю результатов ОРМ, проводимых на основании судебного решения, сами эти решения в ряде случаев оставляют в делах оперативного учета под предлогом обеспечения режима секретности, поскольку соответствующий ограничительный гриф им присваивал суд. В качестве оснований для отказа в предоставлении судебных решений стороне защиты, как правило, используется положение ч. 3 ст. 12 Закона об ОРД, согласно которой судебное решение на право проведения ОРМ хранится только в оперативно-розыскных органах. В решениях Конституционного суда по такого рода жалобам указывалось, что результаты ОРМ, проводимых на основании судебного решения, должны передаваться следователю только вместе с таким

¹ Определение КС РФ от 15 июля 2008 г. № 460-О-О.

решением, а право обвиняемого на получение его копии может быть также реализовано путем направления запроса в орган, осуществляющий ОРД¹. Необходимость представления результатов ОРМ вместе с судебными решениями закреплена также в п. 12 межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд². Таким образом, Конституционный суд неоднократно подтвердил свою правовую позицию о том, что положения ст. 5 и 12 Закона об ОРД не допускают возможности отказа в ознакомлении с судебными решениями, разрешающими проведение ОРМ, и в обжаловании самих этих решений, а потому оперативно-розыскная и судебная практика должны руководствоваться таким толкованием указанных правовых норм.

Нередким поводом для обращений граждан в Конституционный суд становились отказы судов общей юрисдикции в рассмотрении жалоб на действия оперативно-розыскных органов в связи с тем, что ст. 5 Закона об ОРД, закрепляющая право на обжалование таких действий, не регламентирует судебную процедуру рассмотрения этих жалоб, о которой умалчивает и действующее процессуальное законодательство. В этой ситуации суды общей юрисдикции, нередко не вникая в суть жалоб, отказывают в их удовлетворении, мотивируя это тем, что они им неподсудны.

В качестве наглядного примера этому можно привести обстоятельства дела одного из заявителей в Конституционный суд, которому суды как первой, так и кассационной инстанции по одному и тому же вопросу об оспаривании законности обследования оперативными сотрудниками принадлежащего ему офисного помещения четыре раза отказывали в принятии жалоб к рассмотрению со ссылкой на несоблюдение процедуры обжалования. Если заявитель обращался в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, то ему «рекомен-

¹ Определения КС РФ от 24 июня 2008 г. № 356-О-О, от 16 апреля 2009 г. № 404-О-О и 565-О-О, от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О и др.

² Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утверждена приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

довали» подать жалобу в порядке гражданского судопроизводства. Когда он исполнил эту рекомендацию, то другой судья отказал ему в рассмотрении жалобы, сославшись на то, что такая жалоба подлежит рассмотрению в уголовно-процессуальной процедуре. Обжалуя эти решения в судебные коллегии по уголовным и гражданским делам областного суда, он также получил взаимоисключающие ответы¹. Вышеизложенное, на наш взгляд, со всей очевидностью свидетельствует о нарушении конституционного права гражданина на судебную защиту.

Вопрос о подсудности рассмотрения жалоб на действия оперативных сотрудников впервые затрагивался в Определении по жалобе гражданки И.Г. Черновой. В п. 6 этого решения Конституционный суд указал, что лицо, полагающее о нарушении его прав и законных интересов проводившимися в его отношении ОРМ, имеет право на обжалование и судебную защиту и в порядке административного судопроизводства может обращаться в суд в соответствии с установленной подсудностью². О возможности обжалования действий оперативных сотрудников в порядке административного судопроизводства в данном решении отмечено не случайно, поскольку заявительница использовала именно его, и суд применил эту процедуру при рассмотрении ее жалобы.

В своих более поздних решениях Конституционный суд стал избегать прямого ответа на вопрос о том, в какой процедуре должны рассматриваться жалобы на действия и решения оперативно-розыскных органов. Так, поводом одного из обращений с требованием проверки конституционности положений ст. 125 УПК РФ стал отказ судов общей юрисдикции в рассмотрении в установленном этой статьей порядке жалоб предпринимателей на действия оперативных сотрудников, изъявших в ходе доследственной проверки финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации принадлежащие заявителям системные блоки к компьютерам. Свой отказ суды мотивировали тем, что ст. 125 УПК РФ не может использоваться в качестве основания для судебного обжалования действий, имевших место до возбуждения уголовного дела. Изъятые компьютеры в дальнейшем были признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, возбужденному

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 12323/15-01/10 от 30.08.2010.

² Определение КС РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О.

по факту нарушения авторских и смежных прав. В решении Конституционного суда по этому обращению было разъяснено, что ст. 125 УПК РФ, регламентируя судебный порядок рассмотрения жалоб на действия и решения дознавателя и следователя в уголовном судопроизводстве, не содержит каких-либо положений, ограничивающих право на судебную защиту от имевших место вне рамок уголовного судопроизводства незаконных действий и решений органов, осуществляющих ОРД, и их должностных лиц, а потому не может рассматриваться как препятствующая реализации права заявителей на судебную защиту в ином процессуально-правовом порядке¹.

Такой вывод был воспроизведен в ряде других решений Конституционного суда по обращениям граждан, которым суды общей юрисдикции также отказали в рассмотрении жалоб на действия оперативных сотрудников, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом Конституционный суд оговаривался, что разрешение вопросов о правовой природе отношений, возникающих между гражданами и должностными лицами оперативно-розыскных органов по поводу принимаемых ими решений, и, соответственно, о выборе норм, подлежащих применению при судебном обжаловании их действий и решений, относится к полномочиям судов общей юрисдикции².

Разрешая этот вопрос, Пленум ВС РФ разъяснил, что по смыслу ч. 3 ст. 5 Закона об ОРД в порядке ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих ОРД по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания³. Формулировка этого разъяснения по-разному толкуется специалистами, но авторы данной работы придерживаются мнения о том, что она предполагает возможность обжалования в

¹ Определение КС РФ от 1 апреля 2008 г. № 386-О-О.

² Определения КС РФ от 19 февраля 2009 г. № 114-О-О, от 26 мая 2016 г. № 1148-О, от 25 мая 2017 г. № 918-О и др.

³ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

порядке ст. 125 УПК РФ любых действий и решений оперативных сотрудников, а не только тех, которые производились на основании поручения следователя. Такой вывод, на наш взгляд, логически вытекает из правовой позиции Конституционного суда о правовой природе отношений в сфере ОРД. Поскольку проведение ОРМ, как отмечал Суд, закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования, то общность публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как УПК РФ, так и Закона об ОРД, предполагает и общность процедур судебного контроля за действиями органов, осуществляющих такую проверку¹.

Приведенная правовая позиция была использована Конституционным судом при принятии решения по обращению привлеченного к уголовной ответственности экс-председателя Конституционного суда одного из субъектов Российской Федерации. Заявитель обратился в суд общей юрисдикции с административным иском с заявлением, в котором оспаривал постановления суда о даче разрешения на проведение в отношении него ОРМ. Определением судьи в принятии административного искового заявления отказано, поскольку поставленный вопрос, по мнению судьи, не подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Письмами председателя суда заявителю возвращены апелляционные жалобы на постановления суда о разрешении проведения ОРМ, с разъяснением права на обращение в суд кассационной инстанции. Кассационная же жалоба возвращена в связи с отсутствием заверенных судом копий судебных решений, а инициатор проведения ОРМ, в свою очередь, отказал в их выдаче заявителю, ссылаясь на недопустимость разглашения тайны предварительного расследования. Заявитель посчитал, что его право на судебную защиту было нарушено ст. 9 Закона об ОРД, которая не предусматривает возможность обжалования решений суда о даче разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи.

Конституционный суд не согласился с доводами заявителя о дефектности оспариваемой им нормы. В его решении по данной

¹ Постановление КС РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П.

жалобе было отмечено, что по смыслу Постановления КС РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П, законность и обоснованность судебных решений, санкционирующих проведение ОРМ, может быть проверена в кассационном порядке согласно положениям ч. 1 ст. 127 и гл. 47.1 УПК РФ. Кроме того, правомерность таких судебных решений может быть проверена судом первой инстанции при разрешении вопроса о допустимости доказательств, а судом апелляционной инстанции – одновременно с проверкой законности и обоснованности итогового решения по делу¹. Отсюда вытекает, что несмотря на отсутствие в Законе об ОРД норм, регламентирующих порядок обжалования судебных решений о проведении ОРМ, они могут оспариваться заинтересованными лицами в уголовно-процессуальном порядке.

Вторым по распространенности поводом для обращения граждан в Конституционный суд является недостаточная, по их мнению, определенность норм Закона об ОРД, регламентирующих проведение ОРМ, что приводит к **нарушению равенства всех перед законом**, поскольку позволяет по-разному применять правовые нормы в отношении различных субъектов. Более всего в этом аспекте (около 40% обращений) обжаловались положения ст. 6 Закона об ОРД, что представляется отчасти закономерным, поскольку оперативно-розыскные мероприятия составляют основное содержание ОРД, и большая часть ограничений прав личности связана с их осуществлением.

В 36% жалоб оспаривалась конституционность положений ст. 8, регламентирующей условия проведения ОРМ, в 20% – ст. 7, закрепляющей основания проведения ОРМ, в 15% – ст. 5, устанавливающей правовой механизм реализации принципа уважения и соблюдения прав человека, в 14% – ст. 9, регламентирующей основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, в 13% – ст. 11, устанавливающей порядок использования результатов ОРД. Гораздо реже в конституционных жалобах оспариваются положения других статей Закона об ОРД. Таким образом, подавляющее большинство жалоб вызывает сложившаяся практика применения норм Закона об ОРД, регламентирующих проведение

¹ Определение КС РФ от 28 января 2021 г. № 46-О.

отдельных ОРМ, их основания, условия осуществления и использование полученных результатов в процессе доказывания.

Нельзя не отметить, что больше половины заявителей (53%), оспаривавших конституционность норм Закона об ОРД, были осуждены за незаконный оборот наркотиков, а почти каждая третья (31%) жалоба на нормы Закона об ОРД связана с проведением проверочной закупки наркотических средств, в процессе которой, по мнению заявителей, имела место провокация преступления. Доля жалоб, поводом для которых послужила провокация преступления, составляет почти 20% и имеет тенденцию к увеличению. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков чаще других направлений становится предметом обжалования в Конституционном суде, а потому более подробно эта проблема рассматривается в отдельном разделе настоящего пособия.

Одним из распространенных поводов обращений в Конституционный суд выступает нарушение **права на неприкосновенность частной жизни**, о защите которого ставился вопрос в 18% или почти каждой пятой конституционной жалобе. Нарушение этого права 12% заявителей связывают с применением специальных технических средств аудио- и видеозаписи в процессе проведения таких ОРМ, как наблюдение, проверочная закупка, оперативный эксперимент и некоторых других, что, по их мнению, должно производиться лишь по судебному решению.

При этом использование записывающей аппаратуры, замаскированной в одежде или носильных предметах участника ОРМ, проводимого в жилых помещениях, расценивалось заявителями как нарушение их права не только на неприкосновенность частной жизни, но и на неприкосновенность жилища. В качестве существенного недостатка Закона об ОРД, как правило, отмечается то обстоятельство, что порядок применения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в этом законодательном акте, напрямую не урегулирован. В то же время отсутствие в правовых нормах конкретных правил использования специальных технических средств в качестве составной части тех или иных ОРМ, обеспечивающих гарантии против возможных злоупотреблений, дает Европейскому Суду по правам человека основание для вывода, что вмешательство в право на уважение личной жизни «не было предусмотрено законом», а по-

тому привело к нарушению ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

Поводом для 16% обращений в Конституционный суд стало имевшее, по мнению заявителей, нарушение **права на тайну телефонных переговоров** при осуществлении ОРД. Об актуальности этой проблемы свидетельствует то обстоятельство, что прослушивание телефонных переговоров в современной оперативно-розыскной практике стало одним из наиболее распространенных оперативно-розыскных мероприятий. О масштабах его использования свидетельствует статистика Судебного департамента, согласно которой в 2020 г. российскими судами выдано более 530 тыс. разрешений на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений², большую часть которых составляет ПТП.

Достаточно часто (17% случаев) в конституционных жалобах на нормы Закона об ОРД ставился вопрос о нарушении **права на личную неприкосновенность**, гарантированного ст. 22 Конституции РФ. По мнению заявителей, это выражалось, как правило, в их задержании при проведении ОРМ, в т.ч. с использованием наручников; в принудительном доставлении и удержании в служебных помещениях без соответствующего процессуального оформления, производстве личного досмотра, отождествления личности, принудительном дактилоскопировании и получении иных образцов для сравнительного исследования.

Так, согласно материалам одной из таких жалоб заявитель после проверки документов был задержан и доставлен в правоохранительный орган для отождествления его личности, где содержал-

¹ Быков против России: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 10 марта 2009 г. § 8-82; Олейник против России: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 21 июня 2016 г. §79; Ахлюстин против России: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 7 ноября 2017 г. § 44-46 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года. Форма № 1. Раздел 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 09.06.2021).

ся в течение двух часов в изолированном помещении, после чего был отпущен без оформления протокола и объяснения причин доставления. В своем обращении он поставил под сомнение допустимость такого рода действий, которые нарушили его право на свободу и личную неприкосновенность. В решении Конституционного суда по этой жалобе было отмечено, что отождествление личности относится к мерам проверочного характера с целью установления лиц, причастных к преступной деятельности, путем непроцессуального опознания по идентифицирующим признакам и не предполагает применение такой меры принуждения, как задержание отождествляемого лица. Задержание – как мера принуждения, обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей ОРД – Законом об ОРД не предусмотрено. Оно может осуществляться в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ (ст. 27.3 и 27.4) или УПК РФ (ст. 91 и 92), которые предусматривают обязательное составление протокола задержания¹. Отсюда следует, что в деле заявителя оперативные сотрудники вышли за рамки полномочий, предоставленных им Законом об ОРД, т.е. действовали незаконно и необоснованно ограничили право заявителя на свободу и личную неприкосновенность.

Из материалов другой жалобы следовало, что оперуполномоченный уголовного розыска применил наручники для принудительного доставления в помещение ОВД лица с его рабочего места с целью проведения опроса, несмотря на то, что доставляемый добровольно согласился проследовать и не пытался оказать неповиновение. Такие действия приговором суда были признаны превышением должностных полномочий², поскольку они повлекли нарушение права гражданина на свободу и личную неприкосновенность.

С проблемой задержания с поличным в процессе ОРД лиц, совершивших преступления, неразрывно связан вопрос о правовом режиме их личного досмотра (обыска), которым согласно тактическим правилам должно завершаться задержание подозреваемого лица. При этом личный досмотр (обыск) ограничивает не только право на личную неприкосновенность, но и гарантированное ст. 21 Конституции РФ **право на достоинство личности**, о нарушении

¹ Определение КС РФ от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О.

² Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 13792/15-01/16 от 26.12.2016.

которого указывалось в 22% конституционных жалоб на нормы Закона об ОРД.

К числу типичных поводов жалоб в Конституционный суд следует отнести ограничение **права** участников оперативно-розыскных отношений **на квалифицированную юридическую помощь**, гарантированного ст. 48 Конституции РФ. В связи с этим следует отметить, что в Законе об ОРД отсутствуют положения, предусматривающие участие защитника при проведении ОРМ, направленных на изобличение лица в совершении преступления, например, таких, как опрос, проверочная закупка, оперативный эксперимент и др. Однако это не означает аннулирование конституционного права на квалифицированную юридическую помощь у граждан, ставших объектами ОРМ, поскольку это напрямую вытекает из закрепленного в Законе об ОРД такого принципа, как уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. В то же время обеспечение рассматриваемого права в силу преимущественно негласного характера ОРД имеет свою специфику, на которую указывал в ряде своих решений Конституционный суд.

Впервые эта проблема была поднята в жалобе, направленной в Конституционный суд в 1999 г. в защиту интересов гражданина, обвинявшегося в причастности к «резонансному» убийству журналиста газеты «Московский комсомолец». В ней оспаривались положения Закона об ОРД, согласно которым на основании поручения следователя проводился опрос обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе, без присутствия защитника с целью получения изобличающих его показаний, которые впоследствии использовались в доказывании его вины. В решении Конституционного суда по данной жалобе была сформулирована правовая позиция о том, что нормы отраслевого законодательства, носящие общий характер, не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в т.ч. вытекающих из предписаний ст. 48, 49 и 51 Конституции РФ. В связи с этим нормы, регламентирующие проведение по поручению следователя опросов граждан, не подлежат применению к обвиняемому без учета положений уголовно-процессуального закона, закрепляющих гарантии прав этого особого участника судопроизводства. Более того, как отметил Суд, проведение ОРМ, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотрен-

ные УПК РФ¹. Отсюда вытекает недопустимость опроса обвиняемых по уголовному делу для получения изобличающих их показаний с нарушением права на квалифицированную юридическую помощь. Однако это не означает невозможности опросов, находящихся под стражей обвиняемых для получения ориентирующей информации, необходимой для решения задач ОРД.

Сформулированные в этом Определении выводы получили свое развитие в Постановлении Конституционного суда от 27 июня 2000 г. № 11-П по жалобе гражданина М. Поводом к обращению послужил отказ заявителю в праве на доступ к адвокату в течение 16 часов после доставления в ОВД, пока не был официально установлен его процессуальный статус как подозреваемого лица. По результатам рассмотрения этой жалобы Конституционный суд сформулировал правовую позицию, согласно которой в целях реализации конституционного права подозреваемого, обвиняемого на помощь адвоката необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. Факт такого преследования может подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату. Эта правовая позиция Конституционного суда неоднократно использовалась и конкретизировалась в целом ряде других решений, касающихся практики применения Закона об ОРД.

Так, один из заявителей, подвергнутый опросу, дактилоскопированию и фотографированию в связи с проверкой оперативной информации о причастности к совершению террористических актов, утверждал, что был при этом лишен возможности воспользоваться помощью адвоката. В решении по его жалобе Конституционный суд указал, что лицу, в отношении которого проводятся ОРМ в связи с подозрением его в причастности к подготовке или

¹ Определение КС РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О.

совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности¹. Из представленных же заявителем материалов следовало, что такая необходимость в его деле отсутствовала, а потому его право на квалифицированную юридическую помощь было фактически нарушено.

В других определениях Конституционного суда отмечалось, что право на доступ к адвокату должно быть обеспечено лицу, задержанному и в административном порядке, при проведении его оперативно-розыскного опроса, который направлен на выявление фактов и обстоятельств, уличающих данного гражданина в совершении преступления, тем более если он делает заявление о совершенном им преступлении. С этого момента, как отмечено в указанном решении, в отношении такого лица подлежат непосредственному действию нормы Конституции РФ, обеспечивающие в т.ч. предоставление квалифицированной юридической помощи (ст. 48) и право не свидетельствовать против себя самого (ст. 51)². При этом основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о предоставлении защитника лицу, в отношении которого в рамках возбужденного уголовного дела ведется уголовное преследование, не может служить то обстоятельство, что проводимые с его участием действия осуществлялись не как уголовно-процессуальные, а как оперативно-розыскные³.

Вместе с тем Конституционный суд допускает возможность некоторых исключений из общих требований обеспечения права на доступ к адвокату лицам, в отношении которых проводятся ОРМ с целью проверки информации об их причастности к преступной деятельности. Так, в одном из своих решений Конституционный суд указал на то, что требование об обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения в отношении лица ОРМ в виде проверочной закупки в силу того, что указанное мероприятие носит характер безотлагательного и внезапного действия, подготавливаемого в условиях секретности, что исключает как предоставление лицу, в

¹ Определение КС РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О.

² Определение КС РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О.

³ Определение КС РФ от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О.

отношении которого проводится проверочная закупка, возможности свободно выбрать себе адвоката (защитника), так и привлечение адвоката к участию в ОРМ органом, осуществляющим ОРД¹.

К числу исключений из общих требований обеспечения права на доступ к адвокату лицам, подвергаемым уголовному преследованию, Конституционный суд отнес и случаи проведения сбора образцов для сравнительного исследования. По этому поводу им отмечалось, что данное ОРМ предполагает безотлагательный и внезапный характер совершаемых в его рамках действий, подготовка которых осуществляется в условиях секретности, а потому на лиц, в отношении которых эти действия проводятся, не может быть распространено требование об обеспечении права на помощь адвоката как путем предоставления ему возможности свободно выбрать себе защитника, так и путем привлечения адвоката по назначению для участия в данном ОРМ².

Из смысла указанных выше определений Конституционного суда следует, что отказ в предоставлении адвоката допустим при проведении отнюдь не любых ОРМ, а только тех, которые носят «безотлагательный и внезапный характер» и готовятся «в условиях секретности». При проведении же ОРМ, которые этим условиям не отвечают, должностные лица оперативно-розыскных служб обязаны обеспечить реализацию права на квалифицированную юридическую помощь путем предоставления лицу возможности пригласить адвоката, с которым у него заключено соглашение о помощи. Однако из этого не вытекает обязанность предоставления при проведении гласных ОРМ адвоката по назначению, поскольку действующим законодательством это не предусмотрено.

В то же время на практике, к сожалению, продолжают иметь место факты применения норм Закона об ОРД в истолковании, противоречащем правовым позициям Конституционного суда. Так, из материалов одной из жалоб следовало, что заявитель был задержан оперативными сотрудниками во дворе своего дома в связи с проверкой сообщения о нахождении в его квартире наркотических средств. После этого на основании имеющегося судебного разрешения было проведено обследование его жилища, в ходе которого обнаружено и изъято наркотическое средство. Когда на ме-

¹ Определение КС РФ от 24 февраля 2005 г. № 4-О.

² Определение КС РФ от 14 апреля 2007 г. № 342-О-О.

сто обследования прибыл вызванный женой заявителя адвокат, то оперативные сотрудники его в квартиру не пустили, пояснив, что они проводят не обыск, а оперативно-розыскное мероприятие, при котором участие адвоката не предусмотрено. В решении по этой жалобе Конституционный суд вновь вынужден был указать на то, что нормы отраслевого Закона об ОРД не могут применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого без учета особенностей его правового положения, вытекающих из предписаний ст. 48, 49 и 51 Конституции РФ¹. Из мотивировочной части данного решения Конституционного суда следует однозначный вывод о неправомерности действий оперативных сотрудников, поскольку задержание лица с применением наручников по существу является фактическим уголовным преследованием, что в соответствии с приведенными выше правовыми позициями Конституционного суда влечет за собой появление у него конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, в реализации которого ему нельзя было препятствовать со ссылкой на Закон об ОРД.

О реализации права на доступ к адвокату при проведении гласного обследования помещений ставился вопрос и в других обращениях. Так, один из заявителей при рассмотрении его уголовного дела в суде заявил ходатайство о признании недопустимым доказательством акта гласного обследования офисного помещения, проведенного в отсутствие адвоката, но получил отказ, мотивированный отсутствием в Законе об ОРД соответствующих норм. В своей жалобе в Конституционный суд он поставил под сомнение конституционность положений Закона об ОРД, которые не предусматривают обязательного участия адвоката при проведении обследования помещений, результаты которого используются в доказывании по уголовным делам. В своем решении по данной жалобе Конституционный суд подтвердил приведенную выше позицию о том, что лицу, в отношении которого проводятся ОРМ в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и кон-

¹ Определение КС РФ от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О.

спиративности. Кроме того, свой вывод об отсутствии оснований для утверждения о нарушении прав заявителя Конституционный суд мотивировал также тем, что при проведении обследования офисного помещения, в котором находился заявитель, ему были разъяснены его права и предоставлена возможность реализации права на защиту путем приглашения адвоката¹. Отсюда следует, что гласное обследование помещений допускает возможность участия адвоката, который может быть приглашен заинтересованным лицом, а оперативный сотрудник не вправе препятствовать участию прибывшего защитника в проводимом ОРМ.

В связи с этим у оперативных сотрудников может возникнуть вопрос о том, является ли факт приглашения адвоката основанием для приостановления обследования либо другого проводимого в гласной форме ОРМ. Ответ на него дан в решениях Конституционного суда, который установил, что требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения доказательств, в т.ч. выемки, производство которой не приостанавливается и для явки адвоката². Данное разъяснение применимо и для случаев проведения гласных ОРМ, откуда вытекает, что начатое обследование не должно приостанавливаться до прихода адвоката, который вправе присутствовать при его производстве с момента своего прибытия на место события.

Нарушение права на квалифицированную юридическую помощь связывается заявителями не только с воспрепятствованием участию адвоката в проводимых ОРМ, но и даже с неразъяснением о наличии такого права. Так, гражданин Ш., осужденный за незаконный оборот наркотиков, оспорил конституционность положений Закона об ОРД, которые, по его мнению, допускают возможность задержания лица, его личного досмотра, досмотра его автомобиля и осмотра его места жительства без разъяснения права на получение квалифицированной юридической помощи. Изучение материалов этой жалобы показало, что оперативные сотрудники

¹ Определение КС РФ от 27 октября 2015 г. № 2449-О.

² Определение КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 415-О.

после задержания заявителя в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий провели его личный досмотр и досмотр его автомобиля, оформив это актами досмотра с указанием в качестве оснований для таких действий ст. 6, 7, 8 и 15 Закона об ОРД, которые этого не предусматривают.

С учетом этих обстоятельств Конституционный суд в своем решении по данной жалобе указал, что Закон об ОРД не регламентирует процедуры задержания и личного досмотра, которые – как меры принуждения, обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей ОРД – данным федеральным законом не предусмотрены. Не регламентирует он также и порядок осмотра места происшествия, обыска и досмотра, а потому и не определяет права лиц, в отношении которых проводятся досмотр и личный обыск (включая подвергнутых задержанию), осуществляемые в процедурах производства по делам об административных правонарушениях или уголовного судопроизводства. Вместе с тем обязанность разъяснить гарантируемое ст. 48 Конституции РФ право лицу, которое подвергнуто задержанию или в отношении которого проводятся иные действия, ограничивающие его свободу, личную неприкосновенность или другие конституционные права, предусмотрена как УПК РФ (ч. 1 ст. 11), так и КоАП РФ (ст. 27.3, 28.1.1 и 28.2) и реализуется с учетом природы возникших правоотношений, регламентируемых законодательством, на основании и в процедурах которого осуществляется (допускается) соответствующее ограничение прав личности¹. Поскольку в деле заявителя осуществлялось его фактическое уголовное преследование, то оперативным сотрудникам следовало руководствоваться нормами УПК РФ, регламентирующими порядок задержания, обыска и осмотра места происшествия, а не нормами Закона об ОРД. Отсюда следует, что данная жалоба на нарушение права на квалифицированную юридическую помощь была обусловлена не дефектностью Закона об ОРД, а неправильным применением его норм в деле заявителя.

¹ Определение КС РФ от 21 мая 2015 г. № 1184-О.

Раздел 2

Оперативно-розыскная деятельность по пресечению незаконного оборота наркотиков

Как отмечалось выше, наибольшее количество жалоб в Конституционный суд, в которых оспаривались положения Закона об ОРД, связаны с применениями его норм в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В определенной степени в этом есть своя закономерность, поскольку доля лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за такие деяния, составляет в Российской Федерации в среднем около 10%. При этом, учитывая латентный характер наркопреступлений, подавляющее их большинство выявляется и раскрывается исключительно посредством ОРД.

Из арсенала методов борьбы с НОН наиболее распространенным является использование такого ОРМ, как проверочная закупка, которая по своему содержанию и способам осуществления сопряжена с риском перерастания в запрещенную законом провокацию преступления. В связи с этим большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности за НОН в результате проведенной в отношении них проверочной закупки, в качестве способа своей защиты и противодействия расследованию заявляют об имевшей, по их мнению, место провокации преступления.

При этом достаточно часто заявителями в качестве правового обоснования своих претензий используются известные постановления ЕСПЧ по делам «Ваньян против России» (от 15 декабря 2005 г.) и «Худобин против России» (от 26 октября 2006 г.). При разбирательстве жалобы Ваньяна Европейским судом было установлено, что сотрудники уголовного розыска с целью проверки своих подозрений в причастности заявителя к незаконному сбыту наркотиков привлекли его знакомую к проведению проверочной закупки наркотиков. Действуя по поручению оперативных сотрудников, женщина вручила заявителю деньги на приобретение наркотика, после получения которого передала его в ОВД. В своем Постановлении по этой жалобе ЕСПЧ сделал вывод о провокации сбыта наркотиков, нарушившей право на справедливое судебное разбирательство, поскольку в деле заявителя отсутствовали свидетельства возможности совершения преступления без вмешательства тайного агента правоохранительных органов.

Отреагировав на вышеуказанные решения ЕСПЧ, российский законодатель в 2007 г. дополнил ст. 5 Закона об ОРД положением, прямо запрещающим провокацию, т.е. подстрекательство, склонение и побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Кроме того, вопрос о законности проведения проверочной закупки наркотиков нашел отражение в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14. В нем разъяснено, что для признания законности проведения проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ необходимо, чтобы она осуществлялась для решения задач, определенных в ст. 2 Закона об ОРД, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно ст. 7 и 8 указанного Закона. Исходя из этих норм, данное ОРМ может проводиться только при наличии у оперативно-розыскного органа сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния. Результаты же ОРМ, как разъяснил Пленум, могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД¹. Отсюда следует, что сведения о наличии такого умысла должны быть получены в ходе ОРД и найти подтверждение в процессе доказывания.

Введенный Законом об ОРД запрет на провокацию преступлений, а также разъяснения Пленума Верховного суда создают минимально необходимую правовую основу для обеспечения прав граждан при проведении проверочных закупок наркотиков. В решениях Конституционного суда по жалобам, в которых утверждалось об имевшей место провокации преступлений, неоднократно отмечалось, что положение ст. 6 Закона об ОРД, предусматривающей возможность проведения проверочной закупки, должны

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. П. 14 (ред. от 16.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

применяться в системной связи с предписанием его ст. 5, которое прямо запрещает при осуществлении ОРМ подстрекать, склонять, побуждать граждан в прямой или косвенной форме к совершению противоправных деяний, т.е. совершать действия, провоцирующие граждан на незаконный оборот наркотиков¹.

В то же время изучение материалов жалоб на провокацию преступлений при проведении ПЗН показало, что объектами таких ОРМ зачастую вместо наркоторговцев становятся рядовые потребители, выступающие посредниками в приобретении наркотических средств. Участники же ОРМ, действующие в роли закупщика, нередко выступают инициаторами сделки, проявляя при этом настойчивость, предлагая их совместное употребление, апеллируя к чувству сострадания лицу, испытывающему абстинентный синдром и т.п. Такая линия поведения закупщиков, судя по материалам конституционных жалоб, в ряде случаев поощряется оперативными сотрудниками. Об этом, в частности, свидетельствуют факты, когда сами закупщики в суде подтверждают, что предлагали посреднику в качестве вознаграждения оставить часть приобретенного наркотика себе². Подобные действия дают основание для вывода о формировании умысла на противоправное деяние под непосредственным воздействием сотрудников правоохранительного органа, что согласно решениям ЕСПЧ и вышеприведенным разъяснениям Пленума Верховного суда является недопустимым.

В материалах, представляемых заявителями вместе с жалобами в Конституционный суд, можно найти достаточно свидетельств того, что при проведении ПЗН не принимаются должных мер к тому, чтобы обнаружить и зафиксировать доказательства наличия у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также проведения лицом подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния. В обвинительных приговорах по таким делам в качестве доказательств вины нередко фигурируют только акты проверочных закупок, наркотические средства, выданные закупщиком,

¹ Определения КС РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О, от 26 января 2010 г. № 81-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1198-О-О, от 26 января 2017 г. № 79-О и др.

² Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 12688/15-01/08 от 17.10.2008.

и показания оперативных сотрудников, проводивших данное ОРМ. При этом не используются возможности прослушивания телефонных переговоров, не принимается мер к обнаружению мест хранения наркотиков и их изъятию, к выявлению свидетелей, не участвовавших в проведении ОРМ. Вряд ли также можно согласиться с законностью практики проведения многократных проверочных закупок незначительных доз наркотиков у одного и того же лица с целью вменения ему по совокупности деяний сбыта в особо крупном размере.

К числу важных гарантий от возможных провокаций при проведении проверочных закупок ЕСПЧ относит необходимость их санкционирования органом, независимым от службы, проводящей операцию, к числу которых он относит суд либо прокуратуру. Ведомственный же контроль в лице руководителей оперативно-розыскных органов за данным ОРМ должной эффективности, по мнению ЕСПЧ, не обеспечивает¹. Эта позиция ЕСПЧ стала использоваться в качестве доводов неконституционности норм Закона об ОРД, регламентирующих проверочную закупку. Однако Конституционный суд такие доводы отвергает, указывая на то, что постановление, утвержденное руководителем оперативно-розыскного органа, «служит условием обеспечения законности и обоснованности» проверочной закупки².

В то же время анализ материалов конституционных жалоб на провокацию преступлений при проведении ПЗН оставляет серьезные сомнения в эффективности ведомственного контроля за данным мероприятием со стороны руководителей органов, осуществляющих ОРД, который зачастую носит поверхностный и формальный характер. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры проведения проверочных закупок наркотиков на основании постановлений, вынесенных в отношении других лиц либо оформленных после фактического проведения мероприятия; отсутствие в них сведений о цели, месте, времени и объектах проводимых ме-

¹ Веселов и др. против России [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ по делу от 2 октября 2012 г. П. 126. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определения КС РФ от 23 декабря 2014 г. № 2980-О, от 17 июля 2018 г. № 2022-О, от 23 апреля 2010 г. № 1093-О и от 26 апреля 2021 г. № 852-О.

роприятий; утверждения таких постановлений неуполномоченными должностными лицами¹ и т.п.

В ряде конституционных жалоб оспаривалась допустимость утверждения постановления о проведении проверочной закупки наркотиков не только руководителем оперативно-розыскного органа, как это буквально указано в ст. 8 Закона об ОРД, но и его заместителями либо лицами, временно исполняющими обязанности руководителей. По этому поводу Конституционный суд разъяснил, что перечень руководителей, уполномоченных на утверждение постановления о проведении проверочной закупки, устанавливается ведомственными нормативными актами, к числу которых отнесены начальники этих органов, а также их заместители².

В жалобах, поступающих в Конституционный суд на практику применения ПЗН, нередко стал подниматься вопрос о недопустимости при проведении данного ОРМ каких-либо активных действий со стороны оперативных сотрудников, которые в решениях ЕСПЧ расцениваются как признак провокации. Не соглашаясь с такой позицией заявителей, Конституционный суд в ряде своих решений отмечал, что содержание проверочной закупки сходно с договором купли-продажи, где одна сторона (продавец) передает другой стороне (покупателю) предмет закупки, а другая сторона принимает его, оплачивая обозначенную продавцом сумму. Проведение данного ОРМ в установленном порядке, исходя из установленных законом целей, задач, существа ОРД и содержания этого мероприятия, предполагает активную форму поведения его участника в качестве закупщика, спрашивающего у его объекта (продавца) закупаемый предмет (средство, вещество), а потому само по себе не может расцениваться как провокация преступления³. Отсюда следует, что при наличии обоснованных предполо-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращений № 7988/15-01/11 от 15.06.2011, № 6726/15-01/11 от 18.05.2011, № 3096/15-01/12 от 20.02.2012, № 14666/15-01/12 от 28.09.2012, №10147/15-01/16 от 14.09.2016 и др.

² Определения КС РФ от 21 июня 2011 г. № 803-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1473-О, от 29 мая 2014 г. № 1199-О, от 25 октября 2016 г. № 2291-О, от 25 октября 2018 г. № 2784-О и др.

³ Определения КС РФ от 24 апреля 2018 г. № 918-О, от 29 мая 2018 г. № 1398-О, от 17 июля 2018 г. № 2022-О, от 20 декабря 2018 г. № 3381-О, от 26 марта 2020 г. № 801-О, от 26 апреля 2021 г. № 852-О и др.

жений о противоправной деятельности конкретного лица проверочная закупка может начинаться с обращения закупщика к сбытчику о приобретении наркотиков, т.е. инициатива в совершении сделки купли-продажи, исходящая от лица, действующего под контролем оперативной службы, может признаваться допустимой.

В одной из жалоб гражданина, осужденного за покушение на незаконный сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет, была оспорена законность изготовления и использования при проведении ОРМ муляжа наркотического средства, как создающего условия для провокации преступления. Однако Конституционный суд, не согласившись с доводами жалобы, указал в своем решении, что использование при проведении ОРМ муляжа наркотического средства не свидетельствует о провокации преступления¹.

Поводами для конституционных жалоб нередко выступают условия применения специальных технических средств при проведении ПЗН. В частности, в одном из обращений была поставлена под сомнение конституционность ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД, предусматривающей возможность использования при проведении ОРМ специальных технических средств. Автор обращения настаивал на необходимости закрепления в законе не просто права, а обязанности использования СТС при проведении проверочной закупки наркотиков, полагая, что только такая мера будет гарантировать защиту от возможной провокации со стороны оперативных сотрудников. Следует признать, что подобные рассуждения не лишены здравого смысла, поскольку фиксация всех действий закупщика с помощью средств аудио- и видеозаписи создала бы условия для объективной судебной проверки законности проводимого ОРМ. Однако в большей части жалоб осужденных наркосбытчиков оспариваются условия применения СТС, которые по воле законодателя не предусматривают необходимости получения на это судебного решения. Поскольку этот вопрос актуален не только для сферы борьбы с НОН, он более подробно будет рассмотрен в последнем разделе настоящего пособия.

В судебной практике использования в доказывании результатов ПЗН иногда возникают споры о допустимых сроках проведения данного ОРМ после принятия соответствующего решения ру-

¹ Определение КС РФ от 27 февраля 2020 г. № 319-О.

ководителем органа, осуществляющего ОРД. Так, в основу обвинительного приговора одного из заявителей в Конституционный суд, признанного виновным в НОН, были положены материалы, полученные по итогам проверочной закупки, проведенной по истечении трех месяцев с момента утверждения постановления, разрешающего проведение данного ОРМ. Заявитель посчитал, что отсутствие законодательного регулирования сроков проведения ПЗН нарушает его конституционные права, поскольку позволяет оперативным службам неопределенно длительное время контролировать его поведение. Однако Конституционный суд не согласился с доводами заявителя. В его Определении со ссылкой на ряд прежних решений было отмечено, что «вынесение и утверждение постановления о проверочной закупке наркотических средств должны быть, исходя из ее особенностей, предварительными и заблаговременными... Проведение же самого оперативно-розыскного мероприятия в условиях конкретного времени и места обусловлено поведением проверяемого, а не действиями должностных лиц»¹. Таким образом, Конституционный суд, обусловив сроки проведения ПЗН поведением проверяемого лица, а не действиями оперативных сотрудников, разрешил неурегулированный в нормативных правовых актах вопрос.

Одним из недостатков практики представления результатов ПЗН следователю для использования в доказывании является неполнота передаваемых материалов. Так, в одной из жалоб в Конституционный суд была оспорена конституционность ст. 11 Закона об ОРД, которая, по мнению заявителя, позволила использовать результаты ОРД в уголовном судопроизводстве без представления следователю постановления, послужившего основанием для проведения проверочной закупки наркотиков, тем самым лишая обвиняемого возможности проверки законности данного ОРМ и допустимости использования его результатов в процессе доказывания. В решении по этой жалобе Конституционный суд указал на то, что согласно ч. 3 ст. 11 Закона об ОРД представление результатов ОРД следователю осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего эту деятельность, в порядке,

¹ Определение КС РФ от 29 октября 2020 г. № 2553-О.

предусмотренном соответствующей Инструкцией¹. В п. 10 этой Инструкции установлено, что при представлении уполномоченным органам результатов ОРД, полученных при проведении проверочной закупки предметов и веществ, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, к ним прилагается постановление о проведении данного ОРМ, утвержденное руководителем органа, осуществляющего ОРД. Таким образом, ч. 3 ст. 11 Закона об ОРД в правовом единстве с положениями указанной Инструкции закрепляет обязательность передачи следователю постановления о проведении проверочной закупки наркотиков вместе с результатами этого мероприятия².

Нарушение этого требования может повлечь за собой требование стороны защиты о признании незаконной проведенной ПЗН. В то же время данное нарушение, на наш взгляд, не носит фатального характера, поскольку оно может быть устранено стороной обвинения в порядке ст. 286 УПК РФ, допускающей возможность исследования судом и приобщения к материалам уголовного дела документов, представленных сторонами в судебном заседании. Таким правом воспользовался прокурор в деле одного из заявителей, предоставив судье постановление о проведении ПЗН, отсутствующее в материалах рассматриваемого уголовного дела, что позволило отклонить ходатайство о признании незаконной проверочной закупки. Не согласившись с допустимостью такого рода действий, сторона защиты оспорила конституционность положений ст. 246 УПК РФ, предоставляющих государственному обвинителю право представления доказательств. Однако Конституционный суд не усмотрел в данном случае нарушений прав заявителя оспоренной им нормой³.

В жалобах на использование проверочной закупки наркотиков встречаются описания весьма необычных приемов ее проведения.

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Утверждена приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение КС РФ от 22 апреля 2010 г. № 505-О-О.

³ Определение КС РФ от 29 октября 2020 г. № 2587-О.

Так, в деле одного из заявителей оперативные сотрудники для участия в ПЗН привлекли в качестве закупщика осужденного, находящегося в исправительной колонии, для чего организовали его временный выезд за пределы охраняемой территории. Автор жалобы посчитал такие действия оперативной службы незаконными, а потому нарушившими его права. Однако Конституционный суд, не согласившись с доводами заявителя, отметил, что Закон об ОРД устанавливает возможность использования органами, осуществляющими ОРД, содействия отдельных граждан с их согласия в подготовке и проведении ОРМ, в т.ч. на негласной основе. Сами же оперативно-розыскные мероприятия проводятся уполномоченными органами и их должностными лицами на основаниях и в порядке, установленном законом, а потому сама по себе помощь частных лиц в их проведении не может рассматриваться в качестве ограничения прав заявителя¹. Отсюда следует, что такого рода приемы могут признаваться допустимыми при условии использования законных оснований для вывода участника проверочной закупки за пределы исправительной колонии и их отражения в постановлении и плане проведения данного ОРМ, предусмотренных соответствующим подзаконным нормативным актом, регламентирующим его организацию и тактику.

Небезынтересным для практики представляется вопрос о возможности использования при проведении ПЗН помощи несовершеннолетних лиц, привлекаемых для выполнения ими роли закупщиков, который поднимался в ряде конституционных жалоб. Ответ на него действующее законодательство не дает, а поэтому Конституционный суд вынужден был оценить спорную ситуацию в ряде своих решений. По этому поводу им отмечалось, что положения ст. 17 Закона об ОРД, регламентирующие содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, ограничивают использование такого содействия несовершеннолетних лиц, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещают использование их помощи для подготовки или проведения ОРМ на бесконтрактной основе². Отсюда следует допустимость использования в исключительных случаях несовершеннолетних для участия в ПЗН в ситуациях наличия сведений о сбыте наркотиков в среде несо-

¹ Определение КС РФ от 27 мая 2010 г. № 681-О-О.

² Определения КС РФ от 19 июня 2012 г. № 1187-О, от 22 декабря 2015 г. № 2875-О и от 23 июня 2016 г. № 1323-О.

вершеннолетних. Для этого представляется необходимым получить согласие одного из родителей, которые согласно ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в т.ч. в судах.

Авторы жалоб в Конституционный суд неоднократно оспаривали нормы Закона об ОРД ввиду отсутствия в нем запрета на привлечение к проведению проверочной закупки наркотических средств лиц, неоднократно судимых либо находящихся в наркотической зависимости. Отвечая на такого рода претензии, Конституционный суд отмечал, что само по себе содействие частных лиц в проведении ОРМ не может рассматриваться в качестве ограничения прав заявителей, поскольку такое содействие может осуществляться только с согласия этих граждан, а сами оперативно-розыскные мероприятия проводятся уполномоченными органами и их должностными лицами на основаниях и в порядке, установленных законом¹. Иными словами, Конституционный суд не усмотрел признаков нарушения прав личности в отсутствие в законе указанных запретов.

В ряде обращений лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, поднималась проблема допустимости использования результатов ОРД в процессе доказывания путем проведения допросов оперативных сотрудников о содержании полученных ими сведений в процессе оперативно-розыскного опроса, проводимого без участия адвоката. Это касается случаев, когда при проведении первоначального опроса лицо дает признательные показания о своем участии в преступлении, а впоследствии на допросах у следователя заявляет о своей невинности. В таких ситуациях при недостатке доказательств нередко практикуется допрос оперативных сотрудников, получивших первоначальные признательные показания обвиняемого.

Такой прием получения доказательств на основе использования результатов ОРД не получил поддержки Конституционного суда. В его решениях по этому вопросу отмечалось, что ст. 75 УПК РФ, относящая к недопустимым доказательствам показания подозреваемого, обвиняемого, данные в отсутствие защитника и

¹ Определения КС РФ от 27 мая 2010 г. № 681-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1187-О, от 17 июля 2012 г. № 1485-О, от 23 июня 2016 г. № 1323-О, от 28 марта 2017 г. № 669-О, от 18 июля 2017 г. № 1537-О и др.

не подтвержденные ими в суде, исключает возможность не только прямого, но и опосредованного (путем допроса дознавателя или следователя о содержании данных подозреваемым или обвиняемым показаний) использования сведений, сообщенных подозреваемым, обвиняемым в ходе проводившихся с его участием следственных действий. Отсюда вытекает недопустимость использования в качестве доказательств допроса оперативного сотрудника о содержании сведений, которые были получены в ходе опросов подозреваемых лиц, проводимых без соблюдения требований ст. 46 и 47 УПК РФ¹. В то же время Конституционный суд отмечал, что ст. 56 УПК РФ не препятствует допросу оперативных сотрудников в качестве свидетелей по иным вопросам, позволяющим установить «обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»². В качестве таких обстоятельств могут рассматриваться, например, порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий по изобличению заподозренного лица, его действия, очевидцами которых стали оперативные сотрудники, условия, при которых были обнаружены те или иные предметы со следами преступления и т.д.

Как показывает анализ конституционных жалоб, в правоприменительной практике иногда возникают споры о допустимости проведения проверочных закупок с целью выявления не преступлений, а административных правонарушений и использования полученных результатов для привлечения виновных к административной ответственности. Впервые вопрос о возможности проведения ОРМ для выявления административных правонарушений был поставлен в упоминавшейся нами жалобе гр. И.Г. Черновой. В своем Определении по данной жалобе Конституционный суд указал, что положения ст. 7 Закона об ОРД, устанавливающие основания для проведения ОРМ, под противоправным деянием подразумевают лишь уголовно наказуемое деяние, т.е. преступление, а если в ходе проведения ОРМ обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то дело оперативного учета подлежит прекращению³.

¹ Определения КС РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О, от 20 марта 2007 г. № 174-О и от 28 мая 2009 г. № 629-О.

² Определения КС РФ от 28 июня 2018 г. № 1435-О, от 29 октября 2020 г. № 2587-О, от 26 апреля 2021 г. № 853-О.

³ Определение КС РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. П. 5.

Эта позиция получила свое развитие в ряде последующих решений Конституционного суда, установившего, что если отсутствие в деянии признаков преступления выявляется до начала осуществления ОРД или это следует из сведений, поступивших в оперативно-розыскные органы, то проведение на основании таких сведений каких-либо ОРМ не может быть начато¹.

Наиболее рельефно затронутая проблема была описана в жалобе гр. М., в отношении которого на основании сведений о подготовке им преступления небольшой тяжести проводилась проверочная закупка, позволившая выявить в его действиях признаки лишь административного правонарушения. При этом результат проведенного ОРМ стал основным доказательством содеянного при решении вопроса о его привлечении к административной ответственности. Конституционный суд не согласился с доводами заявителя о нарушении его конституционных прав таким применением оспариваемых норм Закона об ОРД, признав допустимым использование результатов ОРД в доказывании по административным делам. В его решении по данной жалобе отмечалось, что если в результате проведения проверочной закупки выявлено не преступление, а административное правонарушение, то это не свидетельствует о незаконности данного ОРМ, о недостоверности его результатов и «недопустимости их использования в доказывании правонарушения согласно соответствующему процессуальному законодательству»². Отсюда следует, что результат проверочной закупки, проводившейся на законных основаниях, т.е. при наличии сведений о признаках преступления, может использоваться в доказывании административного правонарушения, выявленного в ходе ее проведения.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни, включая криминальную, представляет безусловный интерес для правоприменителей проблема обеспечения права на тайну электронной переписки, которая все чаще стала подниматься в конституционных жалобах лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере НОН. Вполне очевидно, что массовое использование криминалитетом современных средств связи, использование для наркоторговли нелегальных интернет-

¹ Определение КС РФ от 22 апреля 2005 г. № 198-О.

² Определение КС РФ от 30 июня 2020 г. № 1398-О.

магазинов обуславливает необходимость доступа оперативных служб к содержащейся в таких средствах информации, которая хранит объективные следы преступной деятельности.

Впервые эта проблема была затронута в решении по обращению, автор которого поставил под сомнение допустимость осмотра без судебного решения изъятого у него мобильного телефона и использование в доказывании сведений, содержащихся в его электронной памяти. Конституционный суд, придя к выводу, что оспоренные в жалобе нормы УПК РФ не могут рассматриваться как нарушающие права заявителя, не нашел необходимым в данном случае формулировать какую-либо конкретную позицию по существу поставленного в жалобе вопроса¹.

Умолчание Конституционного суда по затронутой проблеме было восполнено в решении по другой аналогичной жалобе, в которой утверждалось нарушение права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений в ходе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств без предварительного получения судебного решения. Конституционный суд разъяснил в своем решении, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий, способных причинить ущерб их конституционным правам, в т.ч. праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ².

Данное разъяснение, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве правовой позиции, которая получила свое закрепление и развитие в решении по очередной аналогичной жалобе. В нем Конституционный суд более детально аргументирует свое решение поставленной заявителями проблемы, приводя доводы о том, что достаточность последующего судебного контроля обусловлена

¹ Определение КС РФ от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О.

² Определение КС РФ от 25 января 2018 г. № 189-О.

защитой прав личности общими (другими) гарантиями законности и обоснованности осуществления уголовного преследования, а конфиденциальность переговоров и сообщений обеспечивается самим лицом как обладателем находящейся под его контролем информации. Осведомленность обладателя информации об ограничении его прав позволяет ему незамедлительно обратиться в суд за их защитой. Предварительный же судебный контроль необходим в тех случаях, когда для доступа к содержанию переговоров, сообщений используются технические средства и возможности оператора связи (в т.ч. полученные от него ключи для дешифровки и т.п.), т.е. когда оператор связи является участником правоотношений. В этих случаях ограничение неприкосновенности сведений осуществляется вне ведения участника переговоров, который не осведомлен о контроле за его переговорами и сообщениями, а потому ограничен в возможности своевременно оспорить правомерность соответствующих действий. Поэтому УПК РФ предусмотрена судебная процедура получения разрешения на проведение следственных действий, специально предназначенных для извлечения информации о переписке, телефонных переговорах, почтовых, телеграфных и иных сообщениях¹.

Анализируя приведенные выше решения Конституционного суда, нельзя не обратить внимания на то, что в них напрямую не рассматривается вопрос о границах и пределах конституционного права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого согласно ч. 2 ст. 23 Конституции РФ допускается только на основании судебного решения. В них лишь определяется законность процессуальных процедур по извлечению информации, хранящейся в абонентских устройствах, изъятых в установленном правовом порядке при производстве следственных действий без предварительного получения на это судебного разрешения. Однако отсюда вытекает логический вывод, что Конституционный суд не относит к охраняемой Конституцией РФ тайне переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений сведения, хранящиеся в электронной памяти абонентских устройств, поскольку ознакомление с ними допускается им без судебного решения.

¹ Определение КС РФ от 24 июня 2021 г. № 1364-О.

В связи с этим возникает немаловажный для практики вопрос о возможности внесудебного порядка ознакомления с информацией, содержащейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых в процессе оперативно-розыскной, а не уголовно-процессуальной деятельности. Прямого ответа на него Конституционный суд в своих решениях пока не сформулировал.

Еще один интересный аспект рассматриваемой нами проблемы, касающийся возможности использования изъятых средств связи для проведения ОРМ, был затронут в жалобе гражданина, осужденного за незаконный сбыт наркотиков через нелегальный интернет-магазин. Заявитель настаивал на недопустимости доказательств, полученных в результате использования оперативными сотрудниками изъятого у него мобильного телефона для ведения от его имени переписки в мессенджере с соучастниками преступной деятельности. Нарушение своих прав он связал с тем, что ведя такую переписку под видом оперативного внедрения, сотрудники полиции не имели на то согласия владельца или судебного решения, что, по его мнению, противоречит ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

В определении по данной жалобе Конституционный суд со ссылкой на ряд своих прежних решений отметил, что необходимость закрепления в законе требования о вынесении судебного решения в качестве обязательного условия проведения ОРМ, не связанных с ограничением конституционных прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений непосредственно из Конституции РФ не вытекает¹. Опираясь на этот тезис, Конституционный суд сформулировал вывод о том, что использование абонентских устройств, изъятых в установленном законом порядке в ходе ОРМ или следственных действий, при проведении предусмотренных Законом об ОРД оперативно-розыскных мероприятий для передачи и получения информации в целях решения задач ОРД, не нарушает тайну переписки и телефонных переговоров и не требует в этой связи вынесения судебного решения².

Таким образом, Конституционный суд по существу признал правомерность действий оперативных сотрудников по использованию в целях решения задач ОРД средств связи, изъятых у лиц,

¹ Определения КС РФ от 24 января 2008 г. № 102-О-О, от 29 сентября 2015 г. № 2053-О и от 19 декабря 2017 г. № 2898-О.

² Определение КС РФ от 25 октября 2018 г. № 2792-О.

задержанных за совершение преступлений. Несмотря на то, что в этом Определении вопрос об ознакомлении с информацией, содержащейся в электронной памяти мобильного устройства, не рассматривался, вышеприведенные решения позволяют сделать вывод о допустимости таких действий оперативными сотрудниками при условии соблюдения законности их изъятия.

В правоприменительной деятельности по борьбе с НОН важное значение имеет своевременное установление вида и массы изъятого вещества, поскольку от этого зависит правильная квалификация действий лиц, к нему причастных. Эти характеристики устанавливаются путем проведения оперативных исследований и экспертиз, результаты которых имеют различное доказательственное значение при рассмотрении уголовных дел в судах. Проблема их правильной оценки была затронута в Определении Конституционного суда по жалобе гражданина, осужденного за хранение наркотиков в особо крупном размере. Поводом для жалобы послужил приговор суда, в котором доказательством размера изъятого у него наркотика стала справка о его оперативном исследовании, а не заключение судебной экспертизы. Данное обстоятельство имело существенное значение для дела заявителя, поскольку при проведении оперативного исследования была израсходована почти половина изъятого наркотика, а оставшаяся масса, установленная в процессе последующей судебной химической экспертизы, уже не подпадала под категорию особо крупного размера, что позволяло изменить квалификацию деяния в сторону смягчения.

Изучение представленных с жалобой материалов показало, что суд первой инстанции при вынесении приговора определил массу изъятого наркотика исходя из справки о результатах оперативного исследования, проведенного до возбуждения уголовного дела. Данная справка наряду с последующим заключением судебной экспертизы была признана судом доказательством по уголовному делу. Сторона защиты с такой оценкой справки, на основании которой определялась масса наркотика и, соответственно, квалификация деяния, выразила свое несогласие, настаивая на том, что справка об исследовании наркотического средства в части определения размера изъятого не может являться доказательством. Однако суд апелляционной и три суда кассационных инстанций, включая Верховный суд, согласились с приговором, отметив в своих решениях, что «размер наркотического средства правильно

определен как особо крупный, исходя из массы, установленной при первоначальном исследовании».

В своей жалобе в Конституционный суд заявитель поставил под сомнение конституционность п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД, а также ст. 89 и 144 УПК РФ, которые, по его мнению, позволили сотрудникам полиции подменить следственные действия в виде производства судебной экспертизы проведением исследования как оперативно-розыскного мероприятия, которое не сопровождается процессуальными гарантиями права на защиту, и использовать справку, составленную по результатам такого исследования, в качестве доказательства по уголовному делу.

Поставленный заявителем вопрос о недопустимости использования для доказывания массы изъятого наркотика результатов непроцессуального исследования представляет безусловный интерес, поскольку анализ приговоров по делам о незаконном обороте наркотиков показывает, что такая практика установления количественных параметров объективной стороны состава преступления по уголовным делам данной категории является распространенной.

В Определении Конституционного суда по данной жалобе воспроизведена ранее сформулированная и многократно используемая правовая позиция о том, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем»¹. Исходя из буквального толкования этого положения, применительно к делу заявителя, следует, что фигурировавшая в нем справка, которая по существу является результатом оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», не может быть доказательством по уголовному делу, в т.ч. в части установления массы изъятого у задержанного гражданина наркотика.

Далее в этом решении Конституционный суд привел ряд положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих процесс доказывания по уголовным делам, в частности, норму ч. 1 ст. 86 УПК РФ, согласно которой «собираение доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем,

¹ Определение КС РФ от 29 сентября 2020 г. № 2044-О.

следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом»¹. Поскольку фигурирующая в деле заявителя справка о результатах оперативного исследования получена не путем «производства следственных и иных процессуальных действий», то исходя из логического толкования приведенной нормы она не может рассматриваться в качестве доказательств. Такой вывод подтверждается и положениями ч. 2 ст. 74 УПК РФ, закрепляющей перечень допустимых доказательств, к числу которых отнесено заключение и показания эксперта, а отнюдь не справка об исследовании.

Нельзя не согласиться с тем, что справка об исследовании наркотика не может быть приравнена по своему доказательственному значению к заключению эксперта, поскольку она не содержит процессуальных гарантий достоверности установленной массы наркотического средства. При исследовании, как известно, эксперт не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо недостоверного заключения, а представляемая им справка не содержит описания пошаговой методики исследования. Отсутствие процессуальных гарантий достоверности порождает опасность злоупотреблений при проведении исследований, особенно в части определения массы наркотика, поскольку при этом используются так называемые разрушающие методики, т.е. часть исследуемого вещества безвозвратно утрачивается и проверить вес утраченного в судебном процессе уже невозможно.

Для правильного понимания смысла рассматриваемого решения Конституционного суда следует также обратиться к третьему абзацу его мотивировочной части, который начинается с вывода о том, что оспариваемые заявителем законоположения не могут рассцениваться в качестве нарушающих его конституционные права в обозначенном им аспекте. Это положение следует понимать так, что оспариваемые в жалобе нормы не позволяют подменять экспертизу исследованием, а справку по его результатам использовать в качестве доказательств по уголовному делу. Отсюда вытекает, что если нормы закона не допускают тех действий и решений, которые имели место в деле заявителя, то такие действия и решения правоприменителей не соответствуют закону.

¹ Определение КС РФ от 29 сентября 2020 г. № 2044-О.

Подтверждением этому служит и сделанная далее в этом же абзаце оговорка о том, что проверка обоснованности осуждения заявителя и достоверности вывода суда о размере изъятого у него наркотического средства, а равно переоценка соответствующих доказательств требуют исследования фактических обстоятельств конкретного дела и не относятся к компетенции Конституционного суда. Такая оговорка основана на положении ст. 3 федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой Конституционный суд решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов.

Присутствие такого рода оговорок в решениях Конституционного суда, как правило, означает наличие серьезных сомнений в правильности применения закона в делах заявителей и должны служить своего рода предупредительными сигналами для всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции, нацеливающими на правильное применение закона. Определения Конституционного суда об отказе в принятии жалоб к рассмотрению, содержащие такие оговорки, ни в коем случае не могут рассматриваться как признание законности действий правоприменителей в делах заявителей.

Таким образом, системное и логическое толкование рассматриваемого Определения Конституционного суда позволяет прийти к выводу о том, что масса изъятого наркотика должна определяться результатами судебной экспертизы, а не исследования, проведенного в непроцессуальном порядке.

Такой вывод соответствует и неоднократным разъяснениям Верховного суда, который указывал, что для определения размеров наркотического средства суды должны располагать «заключениями экспертов или специалистов»¹; «выводы судов о размере наркотического средства всегда основываются на анализе заклю-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14. П. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чений экспертов»¹, при этом «справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования... не могут рассматриваться как заключение эксперта»². Таким образом, буквальное толкование приведенных правовых позиций Верховного суда исключает возможность использования для целей доказывания массы изъятого наркотика справок об исследовании, которые не могут подменять заключений экспертов³.

Проведение проверочной закупки наркотиков, как правило, завершается задержанием сбытчиков с поличным, сопровождаемым личным обыском (досмотром) задержанного. Однако Закон об ОРД указанных принудительных мер, как известно, не предусматривает. В этих условиях оперативные сотрудники для решения задач по пресечению и раскрытию наркопреступлений в качестве правовой основы своих действий зачастую используют нормы административного законодательства, предусматривающие задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов в качестве мер административно-процессуального обеспечения. Такая практика, как уже отмечалось выше, вызывает многочисленные жалобы на действия оперативно-розыскных служб в суды общей юрисдикции и в Конституционный суд.

В качестве иллюстрации складывающейся практики задержания с поличным в процессе ОРД можно привести следующие довольно типичные примеры. Так, автор одной из жалоб в Конституционный суд после проведенной у его сообщника проверочной закупки наркотических средств был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где подвергнут принудитель-

¹ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Подробнее об этом см.: Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Масса изъятого наркотика должна устанавливаться экспертизой, а не исследованием // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXIV междунар. науч.-практ. конф-ции (8-9 апреля 2021 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 156-159.

ному досмотру. Эти действия были оформлены документом, который назывался «Акт личного досмотра и досмотра вещей лица, оперативно подозреваемого в незаконном обороте наркотических средств», а в качестве правовой основы досмотра в документе были указаны ст. 6, 7, 8, 15, 17 Закона об ОРД, а также п. 3 ст. 48 и ст. 49 Закона о наркотиках. Более суток гражданин, лишенный пищи и сна, удерживался в служебном помещении полиции без предъявления какого-либо обвинения, без разъяснения прав и лишь через 28 часов он был допрошен следователем в качестве подозреваемого, а затем задержан в уголовно-процессуальном порядке. Заявитель в своем обращении совершенно справедливо ставит вопрос о нарушении своих прав и незаконности применения в отношении него указанных в акте личного досмотра статей законов. Свою позицию он совершенно справедливо аргументирует тем, что поскольку его задерживали по подозрению в совершении преступления, то полицейские должны были руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, предоставляющими ему пакет процессуальных прав, включая право на адвоката, в то время как примененные в его отношении законодательные нормы таких прав не предусматривают¹.

Анализ представленных заявителем материалов наглядно демонстрирует не только откровенное беззаконие, выразившееся в фактическом задержании подозреваемого без составления необходимых процессуальных документов, но и правовой нигилизм оперативных сотрудников, произвольно толкующих нормы законов. Во-первых, исходя из приведенного названия акта личного досмотра, его составители в данном случае вводят произвольное понятие «лица, оперативно подозреваемого», которое в российской правовой системе отсутствует. Используя это понятие, правоприменители, видимо, хотели подчеркнуть, что подвергнутое личному досмотру лицо не является задержанным в уголовно-процессуальном смысле. Во-вторых, нельзя не понимать, что перечисленные в указанном акте статьи Закона об ОРД не предусматривают возможности личного досмотра, а потому ссылка на них, как на основание принудительных действий оперативного сотрудника, недопустима. В-третьих, безосновательна в акте и

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 16844/15-01/12 от 15.11.2012.

ссылка на статьи Закона о наркотиках, несмотря на то, что п. 3 ст. 48 этого Закона наделяет должностных лиц оперативно-розыскных органов при осуществлении контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств правом на проведение досмотра граждан при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка указанных средств. Исходя из системного толкования данной нормы, ее применение в качестве правового основания проведения досмотров задерживаемых в ходе ОРМ лиц представляется допустимым лишь в единстве с п. 1 этой же статьи, который предусматривает возможность установления на отдельных территориях Российской Федерации специального административно-правового режима контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров¹. Отсюда следует, что указанная норма может служить основанием для личного досмотра граждан лишь в случае, если на территории, где он проводится, органом государственной власти субъекта Российской Федерации установлен указанный административно-правовой режим. При отсутствии же такого решения указанная норма применяться не может и проведение досмотров на ее основании будет неправомерным. Что касается ссылки на ст. 49 Закона о наркотиках, наделяющую органы, осуществляющие ОРД, правом на проведение ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД, то она не устанавливает ни оснований, ни порядка проведения личного досмотра, а потому не может выступать основанием для личного досмотра.

Анализ материалов конституционных жалоб показывает, что оперативные сотрудники при захвате с поличным сам факт задержания заподозренного, как правило, не сопровождают составлением каких-либо процессуальных актов, видимо, чтобы не обременять себя необходимостью соблюдения ограниченных сроков внесудебного задержания граждан. При этом в качестве основания для досмотра задержанного ими кроме упомянутой выше ст. 48 Закона о наркотиках чаще всего используются ст. 27.7 и 27.10 КоАП РФ, регламентирующие порядок личного досмотра, а также

¹ Гирько С.И., Воронин М.Ю., Драган Г.Н. Комментарий к федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). М.: Деловой двор, 2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

изъятия вещей и документов в производстве по делам об административных правонарушениях. Так, гр. Б., находившийся под оперативно-розыскным наблюдением, был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где подвергнут личному досмотру, в результате чего у него был обнаружен наркотик. Данный факт нашел документальную фиксацию в протоколе личного досмотра и изъятия, в качестве правовых оснований которого были указаны перечисленные выше статьи административного законодательства¹. В то же время представленные заявителем материалы свидетельствовали, что оперативные сотрудники уже располагали двумя достоверными фактами незаконного сбыта им наркотиков, имевшими место ранее, что обязывало их в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ возбудить уголовное дело и позволяло производить задержание в уголовно-процессуальном порядке.

Нельзя не отметить и распространенность практики задержания с поличным и личного досмотра при проведении ОРМ на основании п. 10 и 16 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции. Ссылки на эти нормы свидетельствуют, что правоприменитель исходил из административно-правового характера своих действий. Первая из числа указанных норм, как известно, наделяет сотрудников полиции правом на проведение ОРМ и на изъятие при их осуществлении документов, предметов, материалов и сообщений. Такое предписание само по себе не может выступать основанием для личного досмотра, который, как известно, не отнесен законодателем к числу ОРМ. В свою очередь п. 16 той же статьи наделяет сотрудников полиции правом «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, <...> при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения». Отсюда следует, что данная норма дает основания для личного досмотра исключительно в целях обнаружения и изъятия незаконно носимых предметов, изъятых из гражданского оборота,

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 10286/15-01/13 от 12.09.2013.

к числу которых денежные средства, полученные от закупщика при проведении проверочной закупки, не относятся.

В конституционных жалобах приводятся факты, когда производство личного досмотра задержанного оформляется протоколом, в котором вообще отсутствуют ссылки на какие-либо законодательные нормы. Подобные действия нельзя признать законными, поскольку составители такого рода документов руководствуются не нормой права, а известным «жегловским принципом»: вор должен сидеть в тюрьме, что чревато опасностью фальсификаций и злоупотреблений должностными полномочиями ради достижения целей ОРД. К примеру, в одной из жалоб документально подтверждался факт того, как сотрудники полиции при задержании нарко-бытчика, успевшего выбросить на землю пакетик с наркотиком, надели на него наручники, а подобранный пакетик скотчем приклеили к его ладони, после чего приступили к оформлению протокола личного досмотра¹.

В практике имеют место факты, когда оперативные сотрудники осуществляют задержания подозреваемых и их личные досмотры в порядке административного производства даже при наличии возбужденного уголовного дела. Так, один из заявителей был задержан на основании поручения следователя о его розыске и задержании, в котором прямо указывалось, что разыскиваемый подозревается в незаконном производстве психотропного вещества. После задержания он был подвергнут личному досмотру на основании ст. 27.7 КоАП РФ, в результате которого в его одежде было обнаружено и изъято запрещенное к обороту вещество, признанное судом одним из доказательств обвинения. Автор обращения справедливо ставит вопрос о незаконности действий сотрудников полиции по обнаружению и изъятию у него психотропного вещества, которые должны были осуществляться в уголовно-процессуальном порядке². В данном деле трудно понять причину, по которой оперативные сотрудники, имея на руках поручение следователя, не применили уголовно-процессуальный порядок задержания подозреваемого, поскольку никаких юридических препятствий для этого не существовало. Правда, в этом случае начи-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 13650/15-01/17 от 06.12.2017.

² Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 9444/15-01/18 от 10.08.2018.

нал бы отсчитываться 48-часовой срок задержания, что ограничило действия оперативных сотрудников жесткими временными рамками.

Жалобы в Конституционный суд на необоснованное применение административных процедур задержания и личного досмотра при проведении ОРМ обусловлены прежде всего тем, что суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел, как правило, оставляют без удовлетворения ходатайства обвиняемых о признании недопустимыми доказательств, полученных в результате таких досмотров. Их решения аргументируются, в частности, тем, что при досмотре соблюдались общие для такого рода действий правила о необходимости присутствия понятых, обязательности ознакомления досмотренного лица с протоколом, о разъяснении ему права на обжалование, о подробном описании и упаковке изъятых предметов и т.д. При этом в подавляющем большинстве судебных решений не дается оценка допустимости использования административных процедур для получения доказательств по уголовным делам.

В то же время в судебной практике можно встретить решения, в которых такие процедуры признавались неправомерными. Так, одним из кассационных определений было оставлено в силе решение суда первой инстанции о незаконности проведенного оперативными сотрудниками в административном порядке личного досмотра гражданина, фактически задержанного в помещении, в котором проходил обыск. В этом решении было указано, что в рассмотренном случае следовало проводить личный обыск в уголовно-процессуальном порядке на основании ч. 2 ст. 184 УПК РФ, согласно которой эта принудительная мера может быть применена при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в обыскиваемом помещении, скрывает при себе предметы, могущие иметь значение для уголовного дела¹.

Более четкая позиция по рассматриваемой проблеме была сформулирована в постановлении Заместителя Председателя Верховного Суда РФ по запросу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о пересмотре уголовного дела, возбужденного по факту изъятия в процессе личного досмотра психо-

¹ Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 апреля 2011 г. № 22-2003 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тропных веществ. В этом решении был сделан вывод о незаконности задержания и досмотра обвиняемого, поскольку вместо протокола задержания был составлен акт личного досмотра задержанного, в котором отсутствовала отметка о разъяснении задержанному его процессуальных прав, а также основания и мотивы задержания, как того требует уголовно-процессуальный закон¹. Отсюда следует, что в понимании Заместителя Председателя Верховного Суда РФ предусмотренный административным законодательством личный досмотр не может применяться при осуществлении ОРМ в отношении лиц, на которых имеются оперативно-розыскные данные о подготовке или совершении ими преступления.

Приведенные выше примеры вполне логично требуют перейти к анализу решений Конституционного суда по такого рода жалобам. Фундаментальная правовая позиция по затронутому вопросу была сформулирована Конституционным судом еще в 1997 г. в Постановлении по обращению гражданина, обжаловавшего свое задержание на основании Закона субъекта Российской Федерации, предоставляющего право сотрудникам органов внутренних дел задерживать в административном порядке сроком до 30 суток членов организованных преступных групп. Суть этой правовой позиции состоит в том, что административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не может применяться в делах об уголовных правонарушениях; в противном случае были бы нарушены принципы как уголовного (уголовно-процессуального), так и административного (административно-процессуального) законодательства².

Свое развитие и конкретизацию данная правовая позиция получила в определении по жалобе гражданина, принудительно доставленного в ОВД для проведения его оперативно-розыскного отождествления. В своем решении Конституционный суд отметил, что проводимое в рамках ОРД отождествление личности относится к мерам проверочного характера в целях установления лиц, причастных к преступной деятельности и не предполагает применения такой меры принуждения, как задержание отождествляемо-

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 г. № 4-Д13-34 об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление КС РФ от 2 июля 1997 г. № 11-П.

го лица; задержание как мера принуждения, мера обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей оперативно-розыскной деятельности, Законом об ОРД не предусмотрено; оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ (ст. 27.3 и 27.4) или УПК РФ (ст. 91 и 92), которые предусматривают обязательное составление протокола задержания¹. Впоследствии эта правовая позиция десятки раз воспроизводилась в других решениях по жалобам граждан, задержание которых производилось на основании норм административного законодательства в процессе проведения проверочной закупки наркотиков, оперативного эксперимента, наблюдения и некоторых других ОРМ.

Принимая решение по жалобе, поводом для которой стали действия оперативных сотрудников, оформивших личный обыск задержанного под видом такого ОРМ, как «исследование предметов и документов», Конституционный суд указал, что норма, закрепляющая возможность проведения исследования предметов и документов не регламентирует отношения, связанные с задержанием и личным обыском задержанного². С учетом этого разъяснения не может быть признано правомерным и проведение личного досмотра заподозренного лица, оформляемого некоторыми «находчивыми» правоприменителями в качестве составного элемента тактики проверочной закупки или оперативного эксперимента.

Приведенная выше правовая позиция Конституционного суда и принятые на ее основе решения по жалобам граждан, посвященным рассматриваемой проблеме, позволяют прийти к однозначному выводу о недопустимости применения административно-правовых процедур для задержания и личных досмотров граждан, заподозренных в совершении преступлений.

¹ Определение КС РФ от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О.

² Определение КС РФ от 23 июня 2015 г. № 1528-О.

Раздел 3

Оперативно-розыскная деятельность по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений

Поводом каждой четвертой жалобы в Конституционный суд, как отмечалось выше, выступает практика применения оперативно-розыскного закона в сфере деятельности по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений. Это направление ОРД связано, прежде всего, с проведением такого ОРМ, как оперативный эксперимент. Дефектность его законодательной регламентации чаще всего аргументируется отсутствием в Законе об ОРД определения данного ОРМ, а также порядка и условий его проведения, в т.ч. с применением специальных технических средств, что, по мнению заявителей, свидетельствует о неопределенности закона, допускающей возможность провокаций и других злоупотреблений со стороны оперативных подразделений.

Первое определение Конституционного суда, касающееся оперативного эксперимента, было вынесено по жалобе осужденного за получение взятки бывшего заместителя межрайонного прокурора г. Москвы, в деле которого доказательствами вины помимо прочего стали аудио- и видеозаписи его переговоров со взяткодателем, полученные в процессе оперативного эксперимента. В этом решении отмечалось, что хотя ст. 6 Закона об ОРД и не определяет порядок и условия проведения ОРМ, однако их осуществление возможно, во-первых, лишь в целях выполнения задач, предусмотренных ст. 2 данного Закона, и во-вторых, лишь при наличии оснований, указанных в его ст. 7. Отсюда был сделан вывод о недопустимости проведения оперативного эксперимента, если это не связано с выявлением, пресечением, раскрытием преступлений и установлением причастных к ним лиц. Здесь же Конституционный суд отметил, что разграничение действий, направленных на выявление, пресечение или предупреждение преступлений с помощью оперативного эксперимента, и действий преступного характера, направленных на искусственное создание доказательств совершения преступления, должно осуществляться судами общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела по существу путем установления и исследования фактических обстоятельств дела,

определения законности и обоснованности решений о проведении ОРМ¹.

В своих последующих решениях Конституционный суд к приведенным выше аргументам добавил ссылку на ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, которая прямо запрещает провокацию путем подстрекательства, склонения, побуждения граждан в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Усиленная таким образом правовая позиция была использована при вынесении десятка других определений по жалобам лиц, привлеченных к уголовной ответственности за взяточничество². Отсюда следует, что лаконизм законодательных норм, регламентирующих проведение оперативного эксперимента, вполне допустим при условии их системного толкования и применения.

Анализ решений Конституционного суда, в которых затрагивались вопросы применения оперативного эксперимента, позволяет выделить критерии его законности, включающие в себя: 1) наличие предусмотренных Законом об ОРД оснований, 2) его направленность на достижение цели и решение задач ОРД и 3) исключение при его проведении провокационно-подстрекательских действий со стороны правоохранительных органов.

Ключевое значение в оценке законности оперативного эксперимента имеет установление наличия оснований для его проведения, к числу которых ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД относит сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Уточняя содержание понятия оснований для проведения ОРМ, Конституционный суд отмечал, что решение о проведении оперативного эксперимента «должно опираться не только на предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, но и на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие обоснованность таких предположений»³. Иными словами, указанные законодателем «сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления», выступающие основанием для проведения оперативного эксперимента, должны

¹ Определение КС РФ от 6 марта 2001 г. № 58-О.

² Определение КС РФ от 23 октября 2014 г. № 2400-О.

³ Определение КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 761-О.

носить объективный характер, т.е. находить отражение в реальной действительности.

Вопрос о степени достаточности и объективности таких сведений, особенно когда они получены из конфиденциальных источников, должен разрешаться с учетом конкретных обстоятельств каждого дела и складывающейся судебной практики. В частности, Верховным судом основания для проведения оперативного эксперимента признаются недостаточными в случае простого заявления оперативных сотрудников в суде о том, что они располагали секретной информацией о получении подсудимым взяток, которая не была предоставлена суду и ее фактическое содержание не исследовалось¹. В то же время в случаях, когда основанием для проведения ОРМ выступали сведения о противоправной деятельности подсудимого, подтвержденные выписками из нескольких конфиденциальных сообщений от разных лиц и нашедшие свое подтверждение в ходе проверки оперативным сотрудником, то доводы защиты о провокации взятки признавались несостоятельными². Отсюда следует, что Верховный суд признает конфиденциальные сообщения в качестве допустимого основания для проведения оперативного эксперимента при условии их подтверждения иными сведениями и возможности их исследования в судебном заседании.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, в решениях которого неоднократно указывалось на то, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод не препятствует использованию на стадии предварительного следствия, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. При этом власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия и располагать конкретными и объективными данными, свидетельствующими о том, что имеет место приготовление для совершения преступных действий, за которое заяви-

¹ Кассационные определения от 21 февраля 2008 г. № 9-О08-4 и от 10 мая 2012 г. № 56-О12-23 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 46-АПУ13-13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тель в дальнейшем преследуется, и любая используемая властями информация должна поддаваться проверке¹.

В практике, к сожалению, имеют место факты, когда ссылки на информацию, якобы полученную из конфиденциальных источников, при проверке в процессе предварительного расследования и в суде не находят своего подтверждения. Более того, вскрывается немало случаев прямой фальсификации результатов ОРД путем внесения в сообщения от негласных источников информации, которой они не представляли. Такого рода факты, в частности, приводились в приговоре по скандально известному делу в отношении бывших сотрудников ГУЭБиПК МВД России².

Неопределенность установленных законом оснований и условий проведения оперативного эксперимента в ряде конституционных жалоб связывалась заявителями с тем, что квалификация их деяния при предъявлении обвинения оказывалась более мягкой, чем при возбуждении уголовного дела, и подпадала под категорию преступлений небольшой тяжести, для раскрытия которых данное ОРМ применяться не могло. Так, одна из заявительниц на момент принятия решения о поведении оперативного эксперимента подозревалась в получении взятки за незаконные действия, т.е. преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 290 УК РФ, а в процессе предварительного следствия было установлено, что во время получения предмета взятки она не являлась должностным лицом, а потому ее действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 159 «Мошенничество» УК РФ, относящуюся к категории небольшой тяжести. При таких обстоятельствах осужденная посчитала, что оперативный эксперимент был проведен незаконно. В своем решении по данной жалобе Конституционный суд отметил, что проведение ОРМ закон увязывает непосредственно с возникновением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования, когда уголовное дело еще не возбуждено либо когда лицо еще не привлечено в качестве

¹ Носко и Нефедов против России: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 30 октября 2014 г. Жалобы № 5753/09, 11789/10, п. 51, 52 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Московского городского суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 2сс/17 // Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 2319/15-01/18 от 22.02.2018.

обвиняемого, но уже имеется определенная информация, которая должна быть проверена (подтверждена или отвергнута) в ходе ОРМ, по результатам которых и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела. Вследствие этого, как установил Суд, выявление, пресечение и раскрытие в ходе оперативного эксперимента иного преступления само по себе не свидетельствует о незаконности такого ОРМ и недействительности полученных результатов ОРД¹. Принимая во внимание обстоятельства дела заявительницы и приведенные ею доводы, можно сделать вывод, что изменение в процессе предварительного следствия квалификации деяния, повлекшее отнесение его к преступлению небольшой тяжести, само по себе не делает оперативный эксперимент незаконным. Неточность в первоначальной квалификации деяния со стороны оперативных сотрудников возможна и допустима, если она носит неумышленный характер.

В решениях Конституционного суда затрагивался вопрос о допустимости проведения повторного оперативного эксперимента в отношении одного и того же лица и был сделан вывод, что «само по себе повторное проведение оперативно-розыскных мероприятий, включая оперативный эксперимент, исходя из различий установленных законом целей, задач и оснований соответствующей деятельности, не может расцениваться как провокация преступления»².

Провокационный характер оперативного эксперимента, как и проверочной закупки, нередко связывается заявителями с осуществлением субъектами ОРД активных действий вместо пассивного наблюдения за развитием событий, как того требует ЕСПЧ. Так, в одной из жалоб к недопустимой активности оперативных сотрудников были отнесены их действия по ускорению регистрации правоустанавливающих документов на земельные участки, за получение которых вымогалась взятка, а также выдача участнице ОРМ денежных средств, выступающих предметом взятки. В решении по данному обращению Конституционный суд отметил, что разрешение предусмотренных Законом об ОРД задач по выявлению и раскрытию преступлений «предполагает активную форму поведения субъектов оперативно-розыскной деятельности. При

¹ Определение КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 761-О.

² Определение КС РФ от 28 марта 2017 г. № 669-О.

этом действия лиц, непосредственно участвующих в оперативно-розыскном мероприятии, должны быть сообразными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого имеются основания для его целевого проведения»¹. Это разъяснение позволяет опровергнуть сформированное под воздействием решений ЕСПЧ и бытующее среди определенной части правоведов мнение о допустимости проведения оперативного эксперимента исключительно путем «пассивного контроля поведения» проверяемых лиц². Следует принимать во внимание, что трактовка положений Закона об ОРД и оценка оперативно-розыскной практики российским Конституционным судом и Европейским судом нередко существенно отличаются, поскольку каждый Суд использует собственный инструментарий и имеет свой предмет оценки³.

Выявление и раскрытие коррупционных преступлений в немалой степени осложняется существованием в российском законодательстве институтов неприкосновенности и процессуальных иммунитетов у различных категорий должностных лиц. Будучи подвергнутыми уголовному преследованию и пытаясь избежать ответственности, лица, наделенные особым правовым статусом, весьма активно пользуются своим правом на судебную защиту, оспаривая как действия оперативно-розыскных служб, так и нормы законов, на основании которых осуществляется деятельность по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений. В связи с этим правовые позиции Конституционного суда по вопросам обеспечения таких иммунитетов в процессе ОРД имеют важное практическое значение.

В практике Конституционного суда имел место случай обращения с жалобой на нормы Закона об ОРД члена Совета Федерации, в отношении которого судья Верховного суда дал разрешение органам ФСБ на прослушивание его телефонных переговоров в

¹ Определение КС РФ от 29 мая 2018 г. № 1398-О.

² Васильев Э.А., Деревянко Е.О. Оперативный эксперимент: как исключить провокацию: науч.-практ. пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2020. С. 16.

³ Вагин О.А. Оперативный эксперимент и проверочная закупка в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (Часть 1) // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 6 (84). С. 26-27.

связи с полученной информацией о совершении им коррупционного преступления. По мнению заявителя, обладавшего на тот момент депутатской неприкосновенностью, суд мог дать разрешение на проведение ПТП лишь после получения предварительного согласия на это Совета Федерации. Однако это мнение основывалось на субъективном толковании депутатской неприкосновенности, поскольку действующее законодательство предусматривает обязательность получения предварительного согласия соответствующей палаты Федерального Собрания лишь в трех случаях: 1) привлечения к уголовной или административной ответственности, 2) задержания, ареста, обыска или допроса, 3) проведения личного досмотра¹. При этом каких-либо ограничений на проведение ОРМ в отношении парламентариев законодатель не установил.

Конституционный суд не согласился с доводами заявителя и в решении по этой жалобе разъяснил, что в данном деле следует руководствоваться правовой позицией, сформулированной в Постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П. Суть этой позиции в том, что неприкосновенность члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы (парламентский иммунитет) не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер; соответствующий статус, предполагающий самостоятельность и независимость парламентария, служит публичным интересам, поскольку, обеспечивая на основе закона повышенную охрану личности парламентария, тем самым ограждает его от необоснованных преследований при осуществлении им государственных функций и способствует таким образом беспрепятственной деятельности парламентария. Согласно сформулированной в этом Постановлении правовой позиции парламентский иммунитет, предполагая по своей природе наиболее полную защиту парламентария при осуществлении им собственно парламентской деятельности, не допускает его освобождение от ответственности за совершенное правонарушение, в т.ч. уголовное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением такой деятельности; расширительное понимание неприкосновенности искажало бы публично-правовой характер парламентского иммунитета и превращало

¹ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ. Ст. 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бы его в личную привилегию, приводя, с одной стороны, к неправомерному изъятию из принципа равенства всех перед законом и судом, а с другой – к нарушению прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью¹. Таким образом, из этого Определения следует, что Закон об ОРД допускает возможность проведения ОРМ в отношении сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы без предварительного согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ, если имеется информация о совершении ими преступления, не связанного с осуществлением парламентской деятельности.

В конституционных жалобах поднималась также проблема допустимости проведения ОРМ в отношении сотрудников прокуратуры с целью проверки сведений об их причастности к подготовке и совершению коррупционных преступлений. Поводом для одного из таких обращений послужила инициированная прокурором проверка законности действий должностных лиц ФСБ, которые без получения предварительного согласия вышестоящего прокурора завели дело оперативного учета и проводили ОРМ в отношении сотрудника прокуратуры, впоследствии привлеченного по их результатам к уголовной ответственности. В Определении Конституционного суда по этой жалобе было отмечено, что ст. 42 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» регламентирует только порядок привлечения прокуроров к уголовной и административной ответственности и в п. 1 закрепляет, что любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, относится к исключительной компетенции органов прокуратуры. При этом подчеркивалось, что органы прокуратуры Законом об ОРД не наделены полномочиями на осуществление ОРД, имеющей целью выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а проверяют сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении в соответствии с УПК РФ и в пределах установленной им компетенции. На основании этого Суд сделал вывод, что оспариваемая заявителем норма не может рассматриваться как нарушающая его право на реализацию своих служебных полномочий по проведению ОРМ, направленных на проверку сведений о причастности прокурорских работников к

¹ Определение КС РФ от 8 февраля 2007 г. № 1-О.

подготовке и совершению преступлений¹. Анализируя представленные заявителем материалы и мотивировочную часть указанного Определения Конституционного суда, следует заключить, что положения ст. 42 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не содержат ограничений на проведение ОРМ в отношении сотрудников прокуратуры при наличии сведений об их причастности к подготовке или совершению преступлений.

Одним из наиболее значимых решений Конституционного суда по жалобам лиц, обладающих статусом неприкосновенности, стало Постановление по результатам рассмотрения обращения бывшего судьи районного суда А., поставившего вопрос о нарушении в его деле гарантированного ст. 47 Конституции РФ права на законный суд в процессе получения разрешения на проведение в его отношении оперативного эксперимента². Это Постановление Конституционного суда стало первым такого рода судебным актом по жалобам на нормы Закона об ОРД.

Отправной точкой для возникновения этого дела послужило решение судебной коллегии Краснодарского краевого суда о даче согласия Управлению ФСБ России по Ростовской области на проведение ОРМ в отношении заявителя с целью проверки информации о вымогательстве им взятки. Свое обращение в суд соседнего региона инициатор ОРМ мотивировал тем, что у заподозренного в коррупции лица имеются обширные связи в судебных органах Ростовской области, а потому обращение за санкцией на проведение ОРМ в областной суд по месту его работы может привести к утечке информации и затруднит действия правоохранителей по разоблачению взяточника. Проведенные на основании этого постановления ОРМ позволили задержать заявителя с поличным и привлечь к ответственности по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Нарушение своих конституционных прав автор обращения усмотрел в том, что примененные в отношении него положения п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД допускают возможность дачи разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи районного суда в любом суде соответствующего уровня – независимо от его местонахождения и территориальной подсудности дела – по усмотрению органа, осу-

¹ Определение КС РФ от 27 мая 2010 г. № 752-О-О.

² Постановление КС РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П.

шествяющего ОРД, и тем самым противоречат ст. 47 Конституции РФ и ее ст. 10, гарантирующей самостоятельность органов судебной власти.

В Постановлении Конституционного суда по результатам рассмотрения данной жалобы оспариваемые нормы были признаны не противоречащими Конституции РФ и допускающими рассмотрение материалов о проведении ОРМ в отношении судьи районного суда не только по месту их проведения или месту нахождения компетентного органа, ходатайствующего об их проведении. В Постановлении отмечалось, что по конституционно-правовому смыслу оспоренных положений изменение территориальной подсудности допустимо лишь при наличии обоснованных опасений относительно возможности рассекречивания планируемых ОРМ и лишь по решению Председателя Верховного суда или его заместителя, принятым по ходатайству органа, осуществляющего ОРД.

Подчеркивая специфический и преимущественно негласный характер ОРД, Конституционный суд также указал, что конституционное право на законный суд распространяется в т.ч. и на граждан, ставших объектами ОРМ. Опираясь на свои прежние правовые позиции, он пришел к выводу, что судебные решения, на основании которых допускается ограничение конституционных прав, должны приниматься с соблюдением правил установленной законом подсудности дел, а ее изменение возможно только в судебной процедуре и только при наличии указанных в законе оснований, препятствующих рассмотрению дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В этом решении дано истолкование не вполне определенного по своей синтаксической конструкции положения ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД о том, что рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности «осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении». Одновременное использование в тексте этой нормы оговорки *как правило* в сочетании с разделительным союзом *или* обусловило возможность двусмысленного истолкования ее содержания, поскольку эта оговорка может быть отнесена как ко всему последующему тексту, так и лишь к его первой части до разделительного союза. Правоприменительная практика, как показало дело заявителя, пошла по пути ее расширительного истолкования, полагая, что норма позволяет в

исключительных случаях обращаться за санкцией в любой равнозначный суд, т.е. произвольно менять территориальную подсудность.

Конституционный суд установил, что оговорка *как правило* предполагает возможность исключения из общего порядка определения подсудности, в качестве которого, в частности, выступает п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», устанавливающий специальный порядок получения разрешения на проведение ОРМ в отношении судей. Данная норма, как отмечено в Постановлении, определяет родовую подсудность вопроса о даче разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи, а определение территориальной подсудности для разрешения данного вопроса должно производиться с учетом положений ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД, т.е. исходя, как правило, либо из места осуществления ОРМ, либо из места нахождения органа, его осуществляющего.

Существенное внимание в Постановлении уделено вопросу о правовой природе предварительного судебного контроля за обеспечением прав личности при проведении ОРМ, поскольку ни Закон, ни теория ОРД до этого времени не определили, к какому виду судопроизводства относится такая судебная деятельность. Развивая свои прежние правовые позиции, Конституционный суд подчеркнул, что вопрос об ограничении конституционных прав в связи с проведением ОРМ по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений, а потому эта судебная деятельность относится к сфере уголовного судопроизводства. При этом, как отмечено в Постановлении, данные процедуры не могут не учитывать и специфики ОРД, которая с необходимостью предполагает конспирацию, сочетание гласных и негласных методов и средств. Соблюдение секретности требуется и при получении судебного разрешения на проведение ОРМ в связи с проверкой информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. В процедуре получения такого разрешения приобретает безусловное значение обеспечение тайны информации о планируемых ОРМ в отношении конкретного лица, включая недопустимость разглашения сведений о самом факте обращения оперативно-розыскного органа в суд. В противном случае, как неоднократно отмечал Конституционный суд в своих

прежних решениях, негласные по своему характеру ОРМ стали бы просто невозможны, а сама ОРД утратила бы смысл¹. Основываясь на этой правовой позиции, в Постановлении был сделан вывод, что по смыслу ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД, если обращение за получением разрешения на проведение ОРМ в компетентный суд повлечет нарушение режима секретности, рассмотрение этого вопроса может быть возложено на другой суд, помимо прямо указанного в законе.

Признав допустимым изменение подсудности в сфере ОРД, Конституционный суд подчеркнул, что рассмотрение судом вопроса о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, представляет собой одну из форм предварительного судебного контроля, а потому изменение ее параметров должно осуществляться не произвольно, а с соблюдением общих принципов, регулирующих судебную деятельность, и фундаментальных процессуальных гарантий прав лиц, в отношении которых намечается проведение ОРМ. К числу таких гарантий относится обязательность закрепления в законе правил определения компетентного органа, уполномоченного на предварительный судебный контроль за проведением ОРМ, включающих в себя и процедуру изменения в необходимых случаях подсудности этого вопроса. При этом была подчеркнута недопустимость определения компетентного суда для получения разрешения на проведение ОРМ по усмотрению органа, осуществляющего ОРД (как это имело место в деле заявителя), что, по мнению Суда, означало бы вмешательство исполнительной власти в деятельность власти судебной и несовместимо с конституционным принципом разделения властей.

Отнесение к сфере уголовного судопроизводства порядка судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, установленного ст. 9 Закона об ОРД, позволило Конституционному суду распространить правила уголовного судопроизводства на порядок изменения в случае необходимости территориальной подсудности решения этого вопроса, который в действующем Законе об ОРД на момент рассмотрения дела не был урегулирован.

¹ Определения КС РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О, от 20 октября 2005 г. № 375-О, от 24 января 2006 г. № 27-О, от 8 февраля 2007 г. № 128-О-П, от 29 мая 2007 г. № 417-О-О и др.

Согласно ч. 3 ст. 35 УПК РФ вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела разрешается председателем вышестоящего суда или его заместителем. Этот общий порядок изменения подсудности, как установил Конституционный суд, подлежит применению и при решении вопроса о проведении в отношении судьи районного суда ОРМ, связанных с ограничением его неприкосновенности, а потому решение об изменении территориальной подсудности и определение равнозначного суда, правомочного рассматривать соответствующие материалы, должно приниматься Председателем Верховного суда либо его заместителем¹. Поскольку же в деле заявителя такое решение принималось самим оперативно-розыскным органом, а не указанными в Постановлении должностными лицами, то отсюда следует логический вывод, что оспоренные нормы права были применены в истолковании, не соответствующем их конституционно-правовому смыслу, установленному Конституционным судом. Иными словами, закон был применен неправильно, а орган, осуществляющий ОРД, нарушил процессуальный порядок изменения территориальной подсудности.

Выводы Конституционного суда, сделанные в рассматриваемом Постановлении, позволили заявителю при рассмотрении его уголовного дела в суде первой инстанции оспорить допустимость использования в качестве доказательств результатов оперативного эксперимента и обследования его служебного кабинета судьи, которые были проведены на основании судебного решения, полученного с нарушением порядка изменения территориальной подсудности. Принимая решение по этому ходатайству, Суд исходил из необходимости оценки правильности применения правовых норм в уголовном деле с учетом их конституционно-правового истолкования, данного Конституционным судом, а потому пришел к выводу о незаконности состава суда, давшего разрешение на проведение ОРМ, и недопустимости доказательств, полученных на их основе².

¹ Постановление КС РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П.

² Подробнее об этом см.: Чечетин А.Е. О взаимосвязи конституционного и оперативно-розыскного производств // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: сб. ст. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф-ции: 22 марта 2013 г. / сост.: К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 2013. С. 98-101.

При анализе Постановления от 9 июня 2011 г. № 12-П обращает на себя внимание то, что оспариваемые заявителем законоположения рассматривались Конституционным судом применительно к процедуре получения разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи районного суда. Несмотря на это, его положения могут распространяться и на порядок получения судебных разрешений на проведение ОРМ в отношении иных категорий должностных лиц, как обладающих, так не обладающих процессуальными иммунитетами. Выявляя конституционно-правовой смысл оспариваемых норм, Конституционный суд сформулировал ряд правовых позиций общего характера, касающихся, в частности, распространения права на законный суд на объектов оперативной проверки, правовой природы предварительного судебного контроля, а также запрета на внесудебный порядок изменения территориальной подсудности рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении ОРМ. Принятие указанного Постановления послужило поводом к внесению дополнения в ст. 9 Закона об ОРД, закрепившего порядок изменения территориальной подсудности рассмотрения материалов о проведении ОРМ в отношении судей¹.

В конституционных жалобах поднимался вопрос об особом порядке проведения ОРМ и следственных действий не только в отношении судей, но и их родственников. Как следует из материалов одной из таких жалоб, по подозрению в получении взятки в служебном кабинете был задержан судебный пристав, являвшийся сыном судьи в отставке Х. В ходе осмотра места происшествия было изъято свидетельство о регистрации автомобиля, находящегося в пользовании задержанного, но принадлежавшего его матери. В связи с наличием сведений о нахождении в этом автомобиле денежных средств, полученных в качестве взятки, в нем был произведен обыск, и денежные средства изъяты. В жалобе экс-судьи Х. утверждалось о неконституционности норм, позволивших в процессе осмотра места происшествия изъять ее личные вещи и произвести обыск в принадлежащем ей транспортном средстве без

¹ О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статью 9 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствующего судебного решения, чем была ограничена ее судейская неприкосновенность. Конституционный суд не согласился с доводами заявительницы, установив в своем решении по данной жалобе, что судейская неприкосновенность не распространяется «на иных лиц, включая родственников судьи, в отношении которых в связи с совершением ими запрещенного уголовным законом деяния ведется самостоятельное уголовное преследование»¹.

В другой жалобе была оспорена конституционность положений ст. 7 и 8 Закона об ОРД, позволивших проводить ОРМ в отношении судьи без получения судебного разрешения коллегии из трех судей вышестоящего суда. Заявитель был осужден за посредничество в вымогательстве взятки, которая предназначалась его отцу – судье арбитражного суда за содействие одному из участников арбитражного процесса в выигрыше налогового спора. При проверке сообщения о вымогательстве взятки оперативные сотрудники проводили ОРМ, как утверждает заявителем, не только в отношении него, но и, в том числе, против его отца, не получив на это соответствующего судебного разрешения. Конституционный суд, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, воспроизвел приведенную выше позицию, указав на то, что сам заявитель статусом судьи не обладает, а судейская неприкосновенность не распространяется на родственников судьи².

Комментируя это Определение КС РФ, средства массовой информации дали ему не вполне адекватную оценку. В частности, как писалось на сайте газеты «Коммерсантъ», Конституционный суд «не увидел нарушений в том, что следившие за сыном судьи оперативники взяли в разработку и его отца, не запросив предварительно санкцию судебной коллегии, как того требует статус спецсубъекта»³. Следовало бы поправить авторов этого комментария, поскольку основной мотив отказа в принятии к рассмотрению данной жалобы состоял в том, что неконституционность оспариваемых норм заявитель связывал с нарушением судейского иммуни-

¹ Определение КС РФ от 26 ноября 2018 г. № 2852-О.

² Определение КС РФ от 30 ноября 2021 г. № 2598-О.

³ Корня А. Судейский иммунитет подвели под следствие. КС разрешил «разработку» родственников спецсубъектов без предварительной санкции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5140116> (дата обращения: 20.12.2021).

тета своего отца, фактически защищая не свои, а его профессиональные права и оспаривал нормы, которые в отношении него не применялись и не могли применяться. Данное обстоятельство является вполне достаточным основанием для отказа в принятии жалобы к рассмотрению Конституционным судом. Ссылка же на позицию о нераспространимости судейского иммунитета на родственников судьи использована КС РФ лишь в качестве дополнительного аргумента своего решения. Таким образом, данное Определение КС РФ нельзя толковать как допускающее возможность проведения ОРМ в отношении судей без соответствующего судебного разрешения.

Немало споров на практике вызывает проведение ОРМ в отношении адвокатов, поскольку законодатель в п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре установил, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в т.ч. в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения». Такое императивное предписание без уточнения условий его применения не согласуется с положениями ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД, из которой следует, что судебные решения требуются лишь для проведения ОРМ, которые ограничивают конкретные конституционные права: на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Указанная несогласованность порождает противоречивую правоприменительную практику и обусловленные этим жалобы в Конституционный суд.

Так, бывший адвокат гр. А. в своем обращении в Конституционный суд оспорил конституционность положений ст. 8 и 9 Закона об ОРД, поскольку они не предусматривают обязательного получения судебного решения на проведение ОРМ в отношении адвоката и исключают применение в таких случаях п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, ограничивая тем самым возможность соблюдения адвокатской тайны. Как следовало из представленных заявителем документов, он был привлечен к уголовной ответственности за покушение на дачу взятки следователю за прекращение уголовного преследования его доверителя. Основанием для возбуждения уголовного дела в данном случае стали результаты оперативного эксперимента с применением средств аудио- и видеозаписи, за-

вершившегося задержанием адвоката при передаче денег в служебном кабинете следователя. Данное ОРМ проводилось на основании постановления начальника ОВД без предварительного получения судебного решения, отсутствие которого послужило поводом к оспариванию законности этих действий со ссылкой на п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре. Весьма показательно, что суд первой инстанции, расширительно истолковав данную норму, согласился с аргументами подсудимого о незаконности проведения оперативного эксперимента и его задержания с поличным без предварительного получения судебного решения и вынес оправдательный приговор. Однако по протесту прокурора это решение было отменено и дело направлено на новое судебное рассмотрение, в результате которого заявитель был осужден за покушение на дачу взятки. Суд кассационной инстанции, отклоняя доводы осужденного о незаконности проведения оперативного эксперимента в отношении адвоката без судебного решения, указал на то, что проведенное ОРМ и последующие процессуальные действия не затронули каким-либо образом адвокатскую тайну, не ограничили конституционные права адвоката, а потому не подпадали под действие п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре и не требовали предварительного судебного решения. С таким выводом согласился и суд надзорной инстанции.

Конституционный суд отказал в принятии к рассмотрению данной жалобы, не усмотрев нарушений прав заявителя. В его решении отмечалось, что Конституция РФ, гарантируя равенство всех перед законом и судом, не предусматривает каких-либо исключений из этого принципа для лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и не определяет особого статуса адвокатов, обуславливающего обязательность законодательного закрепления дополнительных гарантий их неприкосновенности. Требование же Закона об адвокатуре о проведении ОРМ в отношении адвоката на основании судебного решения направлено на обеспечение реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи и на обеспечение института адвокатской тайны, который призван защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента в связи с предоставлением юридических услуг. При этом Конституционный суд подчеркнул, что сведения о преступном деянии самого адвоката не составляют адвокатской тайны, если они не стали предметом оказания

юридической помощи ему самому в связи с совершенным им преступлением. Отсюда был сделан вывод, что положения п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре предполагают получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех ОРМ, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности и могут затрагивать адвокатскую тайну, а к сфере адвокатской деятельности в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния¹.

В жалобе другого экс-адвоката, привлеченного к уголовной ответственности за попытку дачи взятки следователю, также были оспорены положения Закона об ОРД, позволившие провести оперативный эксперимент в отношении него без предварительного судебного разрешения. Из представленных заявителем документов следовало, что по факту его задержания с личным первоначально было вынесено несколько постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела со ссылкой на незаконность оперативного эксперимента, проводившегося без предварительного получения судебного разрешения. Однако все эти постановления были отменены. Конституционный суд не согласился с доводами заявителя и отказал в принятии его жалобы к рассмотрению, не усмотрев нарушений его прав оспариваемыми законоположениями².

Таким образом, в обоих решениях Конституционный суд по существу закрепил ограничительный подход к истолкованию положений п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре. Иное, расширительное понимание и применение данного законоположения, как отмечалось в указанных определениях, искажало бы содержание, предназначение и публично-правовой характер самой юридической помощи и приводило бы не к защите адвокатской тайны, а к необоснованному предоставлению адвокату личной привилегии в случае совершения им противоправных действий, а также к неправомерному изъятию из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Приведенные решения Конституционного суда вносят необходимую ясность в порядок проведения оперативного эксперимента в отношении адвокатов в ситуациях, схожих с делами заявителей, и в силу своей общеобязательности подлежат исполнению всеми правоприменителями. Одновременно они дают

¹ Определение КС РФ от 22 марта 2012 г. № 629-О-О.

² Определение КС РФ от 17 июля 2012 г. № 1472-О.

определенные ориентиры оперативным службам при проведении других ОРМ в отношении адвокатов. Из правовых позиций Конституционного суда следует, что при планировании таких ОРМ, как наблюдение с использованием аудио- и видеозаписывающей аппаратуры, обследования помещений и транспортных средств, оперативного внедрения и некоторых других, в ходе которых может быть ограничена адвокатская тайна, следует руководствоваться требованиями п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре о необходимости судебного решения. Для проведения же ОРМ, которые не предполагают ограничения адвокатской тайны, судебного решения не требуется.

Весьма показательными, на наш взгляд, являются обстоятельства дела бывшего адвоката К., осужденного за мошенничество, который пять раз оспаривал в Конституционном суде различные нормы УПК РФ и Закона об ОРД. В его первой жалобе была поставлена под сомнение конституционность положений уголовно-процессуального закона, на основании которых без судебного решения был проведен осмотр места происшествия в помещении коллегии адвокатов, в ходе которого изъяты предметы и документы, содержащие, по утверждению заявителя, сведения, составляющие адвокатскую тайну. При этом, как следует из представленных заявителем материалов, оперативные сотрудники получили судебное разрешение на проведение в отношении адвоката оперативного эксперимента, по завершении которого был проведен осмотр места происшествия с целью обнаружения и изъятия предмета взятки. Конституционный суд согласился с доводами заявителя и в своем решении указал, что отсутствие в оспариваемых нормах УПК РФ прямого указания на необходимость получения судебного решения в качестве условия для осуществления следственных действий в отношении адвоката не может рассматриваться как исключаящее обязательность соответствующего судебного решения, предусмотренного п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре¹. Основываясь на таком разъяснении Конституционного суда, заявитель обратился к следователю с ходатайством о признании недопустимым доказательством протокола осмотра места происшествия, которое было удовлетворено.

¹ Определение КС РФ от 21 октября 2008 г. № 673-О-О.

Получив фактическую поддержку Конституционного суда по своей первой жалобе, заявитель в своем следующем обращении оспорил допустимость еще одного протокола осмотра места происшествия, на сей раз представляющего собой участок открытой местности, прилегающей к входу в служебное помещение коллегии адвокатов. В процессе осмотра, как следовало из представленных материалов, были обнаружены и изъяты обрывки записки адвоката, адресованной потерпевшему, в которой содержался запрет на упоминание вслух оговоренной ранее денежной суммы, что являлось важной уликой обвинения. Однако в этом вопросе Конституционный суд не поддержал заявителя. В его решении отмечалось, что ст. 8 Закона об адвокатуре не устанавливает неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, постольку она предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех ОРМ и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности – к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния как несовместимого со статусом адвоката¹. Вполне понятно, что осмотр территории, прилегающей к адвокатскому офису, никак не может ограничить адвокатскую тайну.

Еще в одной жалобе экс-адвоката К. был поставлен весьма актуальный для современной практики борьбы с преступностью вопрос о допустимости использования в качестве доказательств аудиозаписей разговоров, которые были негласно получены гражданами при встречах с лицами, оказывающими на них противоправное воздействие. По мнению автора обращения, негласная аудиозапись разговоров лицом, не уполномоченным на осуществление ОРД, не соответствует закону, а потому не может использоваться в доказывании. Из представленных материалов следовало, что гражданин, которому адвокат предложил передать через него взятку должностному лицу, негласно записал этот разговор на имевшееся при нем записывающее устройство, а полученную фонограмму передал сотрудникам ФСБ. Законность такой записи была оспорена обвиняемым, который потребовал признать ее недопустимым доказательством, однако следователь отказал в удо-

¹ Определение КС РФ от 22 апреля 2014 г. № 732-О.

влетворении ходатайства об этом. В его постановлении совершенно справедливо было отмечено, что действия потерпевшего, связанные с аудиозаписью собственных переговоров на принадлежащее ему звукозаписывающее устройство с целью защиты своих конституционных прав, не нарушают действующего законодательства. Конституционный суд также не нашел признаков нарушения прав заявителя и отказал в принятии данной жалобы к рассмотрению по формальным основаниям, обойдясь в этом случае без прямого ответа на поставленный заявителем вопрос¹.

В дальнейшем аналогичная проблема затрагивалась также в одном из обращений упомянутого выше экс-судьи А., оспорившего конституционность ст. 74, 75 и 81 УПК РФ, как позволивших признать допустимыми доказательствами аудио- и видеозаписи, произведенные гражданами с целью подтверждения факта вымогательства у них взятки. Конституционный суд не согласился с доводами заявителя, не усмотрев нарушения прав оспоренными нормами. В его решении отмечалось, что в качестве доказательств допускаются в т.ч. вещественные доказательства – предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела; документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде; к ним могут относиться материалы аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ². Отсюда следует, что Конституционный суд по существу признал допустимым использование в качестве доказательств негласную аудио- и видеозапись, произведенную гражданами с целью защиты своих прав на технические средства, находящиеся в свободном обороте.

В пятой жалобе экс-адвоката К. была поставлена под сомнение конституционность закрепления в Законе об ОРД такого ОРМ, как оперативный эксперимент, который, по мнению заявителя, позволяет правоохранительным органам инсценировать объект преступления и вменить в вину гражданам искусственно смоделированное событие противоправного деяния. Данное ОРМ, как отмечалось в жалобе, влечет ущемление гарантированного ч. 2 ст. 21

¹ Определение КС РФ от 22 марта 2011 г. № 339-О-О.

² Определение КС РФ от 11 мая 2012 г. № 814-О.

Конституции РФ права каждого не подвергаться научным и иным опытам без добровольного согласия. Конституционный суд с доводами заявителя также не согласился, напомнив в своем решении по данной жалобе, что проведение оперативного эксперимента не допускается, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением причастных к ним лиц; при этом нормы, регулирующие проведение оперативного эксперимента, должны применяться в системной связи с положениями ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, которая прямо запрещает органам, осуществляющим ОРД, провоцировать граждан на совершение преступлений¹.

Таким образом, Конституционный суд в своих решениях по жалобам лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, последовательно отстаивал принцип равенства всех перед законом и дифференцированно подходил к рассмотрению вопросов обеспечения процессуальных иммунитетов судей и адвокатов, направленных на обеспечение их процессуальной независимости и защиты прав граждан.

¹ Определение КС РФ от 22 апреля 2014 г. № 845-О.

Раздел 4

Обеспечение прав граждан при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий

В обращениях граждан в Конституционный суд, как отмечалось в первом разделе настоящей работы, достаточно часто поднимаются вопросы, связанные с правовым регулированием **прослушивания телефонных переговоров** и обеспечением конституционного права на их тайну, по которым принято более пяти десятков решений.

Одним из наиболее известных и существенно повлиявших на практику ОРД является Определение КС РФ от 2 февраля 2003 г. № 145-О, вынесенное по запросу Советского районного суда г. Липецка о проверке конституционности положений ст. 32 федерального закона «О связи», действовавшего в то время. Отправной точкой для такого запроса послужило ходатайство оперативно-розыскного органа о даче разрешения на истребование у оператора связи сведений о входящих и исходящих телефонных звонках гражданки, проверяемой на причастность к совершению преступлений. Обращаясь в районный суд за указанным разрешением инициатор ходатайства (скорее всего, с подачи прокуратуры и оператора связи) исходил из того, что ст. 32 федерального закона «О связи» требует принятия судебного решения не только на прослушивание телефонных переговоров, но и на получение сведений о них, т.е. исходит из расширительного истолкования конституционных пределов ограничения прав граждан на тайну телефонных переговоров. Однако судья, рассматривавший данное ходатайство, не согласившись с таким толкованием указанной нормы, посчитал, что она противоречит ст. 23 Конституции РФ, поскольку сведения о соединениях абонента, по его мнению, не ограничивают права на тайну телефонных переговоров, а потому их получение оперативно-розыскным органом судебного решения не требует.

Конституционный суд не поддержал позицию районного суда и в своем Определении по данному запросу установил, что информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ тайну телефонных переговоров, считаются «любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи;

для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим ОРД, необходимо получение судебного решения»¹. Приведенная правовая позиция, основанная на расширительном толковании пределов конституционного права на тайну телефонных переговоров и ограничившая тем самым полномочия оперативно-розыскных органов в получении информации от операторов связи, вместе с тем позволила разрешить неурегулированный законодателем спорный вопрос о необходимости судебного решения для получения сведений о соединениях телефонных абонентов. Впоследствии эта правовая позиция получила свое законодательное закрепление в ст. 186.1 УПК РФ.

В конституционных жалобах, критикующих законодательное регулирование ПТП, нарушение прав нередко связывается с отсутствием обязанности судов проверять наличие законных оснований для дачи разрешений на проведение ОРМ, а также законодательных требований к форме и содержанию судебных решений о разрешении проведения ОРМ и ходатайств субъектов ОРД, на основании которых они выносятся. Из материалов таких обращений следует, что мотивировочная часть судебных постановлений, как правило, ограничивается констатацией факта наличия у оперативного подразделения неких сведений о причастности проверяемого лица к совершению преступлений. При этом нередко случаи, когда сотрудники оперативных служб вместе с постановлением своего руководителя, содержащего ходатайство на разрешение проведения ПТП, сами готовят и проект решения судьи об этом. Подобная практика дает повод для утверждений заявителей о формальном характере судебного контроля за проведением ОРМ.

По затронутому вопросу Конституционным судом в упомянутом выше Определении отмечалось, что судья, рассматривающий ходатайство органов, осуществляющих ОРД, обязан подходить к оценке представляемых в таких случаях материалов ответственно и всесторонне и не допускать сужения сферы судебного контроля, субъективно оценивая фактические данные, влекущие необходимость получения судебного решения на производство соответствующих ОРМ². Кроме того, им неоднократно указывалось, что суд не может дать разрешение на ограничение конституционных

¹ Определение КС РФ от 2 февраля 2003 г. № 145-О.

² Там же.

прав, если не приходит к выводу о необходимости такого ограничения, его обоснованности и законности, а содержание и форма судебных решений должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к любым процессуальным решениям, включающим в себя законность, обоснованность и мотивированность¹. Отсюда следует, что сама по себе предварительная подготовка проекта судебного решения не может расцениваться как незаконная и нарушающая права граждан при условии внесения судьей в окончательный текст постановления своих выводов и аргументов, позволяющих привести его в соответствие с требованиями ч. 5 ст. 9 Закона об ОРД о мотивированности судебного акта.

Из материалов обращений в Конституционный суд следует, что в оперативно-розыскной практике имеют место проблемы с оформлением судебных решений на проведение ПТП. Так, один из заявителей к своей жалобе приложил копию судебного решения, в котором отсутствовали сведения о лице, чьи телефоны разрешалось прослушивать, и об их абонентских номерах, а вместо них имелась лишь ссылка о том, что эти данные содержатся в секретном постановлении руководителя оперативно-розыскного органа. При этом само постановление инициатора ОРМ оказалось недоступно стороне защиты, поскольку не было рассекречено и передано следователю вместе с судебным постановлением и фонограммами телефонных переговоров. Решение Конституционного суда по этому обращению, к сожалению, не содержит прямого ответа на вопрос о возможности вынесения судом «безымянного» постановления об ограничении конституционных прав личности при проведении ОРМ, поскольку он отказал в принятии этой жалобы к рассмотрению в силу ее несоответствия критериям допустимости². В то же время анализ материалов самого обращения позволяет прийти к выводу, что, несмотря на отсутствие в Законе об ОРД требований к форме и содержанию судебного постановления, это обстоятельство в деле заявителя само по себе не могло обусловить нарушение его прав, поскольку соответствующие сведения содержались в постановлении оперативно-розыскного органа, которое должно было рассматриваться как составная часть судебного решения на проведение ПТП и подлежало передаче сле-

¹ Определения КС РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 24 ноября 2005 г. № 448-О, от 17 февраля 2015 г. № 388-О и др.

² Определение КС РФ от 21 мая 2015 г. № 1136-О.

дователю вместе с этим решением и фонограммой. Однако такая форма разрешений на проведение ПТП не предусмотрена ни одним нормативным актом, а потому требует своего правового закрепления.

Принимая решения по жалобам, в которых оспаривалась допустимость вынесения судебного постановления на ПТП без указания в нем конкретного абонентского номера проверяемого лица, Конституционный суд отмечал, что право на тайну телефонных переговоров принадлежит конкретному лицу, а поскольку судебное решение о прослушивании телефонных переговоров также выносится в отношении конкретного лица, ограничение этого конституционного права не зависит от того, по какому телефону ведутся переговоры¹. Это разъяснение позволяет оперативным сотрудникам брать под контроль неизвестные на момент получения судебного решения средства связи, которые проверяемые лица часто меняют в целях маскировки противоправной деятельности.

В решениях Конституционного Суда скорректирована порочная практика расширительного толкования ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, предусматривающей проведение ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства, на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, и обязывающей в течение 48 часов «получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение». Это положение оперативно-розыскные службы некоторых регионов России истолковали как возможность осуществления кратковременного (до 48 часов) ПТП без судебного решения на основании постановления соответствующего руководителя, которое на практике получило название «сорокавосьмичасовка».

Так, к одной из конституционных жалоб, в которой оспаривалась вышеуказанная норма, был приложен текст такой «сорокавосьмичасовки», в котором отсутствовало предписание о необходимости последующего получения судебного разрешения, а также какая-либо мотивировка необходимости экстренного порядка проведения ОРМ, несмотря на то, что решение об этом принималось в будний день, когда уполномоченный судья должен был находиться на рабочем месте. Полученная же в результате 48-часового про-

¹ Определения КС РФ от 17 июня 2010 г. № 844-О-О и от 29 мая 2018 г. № 1395-О.

слушивания телефонных переговоров фонограмма была представлена следователю и использована в доказывании вины обвиняемой. Жалоба адвоката на законность проведенного ПТП была отклонена судом, который мотивировал свое решение тем, что Законом об ОРД не предусмотрена обязанность суда принимать решение о законности и обоснованности ОРМ, проведение которых прекращено в течение 48 часов¹. Конституционный суд не согласился с таким пониманием оспоренной нормы, указав на недопустимость отступления от требований ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и обязательность получения судебного решения на ПТП любой продолжительности². Отсюда следует, что практика применения ПТП продолжительностью менее 48 часов без получения судебного решения неконституционна и незаконна.

Установленный в Законе об ОРД 6-месячный срок действия разрешения на ПТП в случаях, когда лица, совершающие преступления, тщательно маскируют свою противоправную деятельность, не всегда оказывается достаточным для решения задач ОРД, что обуславливает необходимость его продления. При этом ст. 9 Закона об ОРД, предусматривающая возможность такого продления, не ограничивает их количества и предельных сроков в отличие от ст. 186 УПК РФ, которая допускает продолжительность контроля телефонных переговоров не более шести месяцев без возможности продления. Такое правовое регулирование не может не создавать риски злоупотреблений и нарушений прав личности в процессе ОРД.

Так, из материалов одной из жалоб следовало, что правоохранительный орган семь раз обращался в суд с ходатайством о получении разрешения на ПТП в отношении одного и того же лица и в каждом случае получал такое разрешение сроком на 6 месяцев, в результате чего общая продолжительность ПТП составила три с половиной года. При этом судебные решения выносились разными судьями и без учета предшествующих постановлений, в них полностью отсутствовали сведения не только о результатах проводившихся ранее ОРМ, но и о самом факте их осуществления, а по-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 548/15-01/17 от 17.01.2017.

² Определение КС РФ от 28 марта 2017 г. № 568-О.

тому никакого обоснования необходимости дальнейшего продления сроков начатого ОРМ судебные постановления не содержали¹.

В деле другого заявителя – бывшего судьи областного суда – Судебная коллегия Верховного суда три раза выносила разрешения на проведение ОРМ в его отношении каждый раз сроком на 180 суток. Это дало повод оспорить конституционность ч. 6 ст. 9 Закона об ОРД, которая, по мнению заявителя, допускает возможность многократного разрешения на проведение ОРМ по идентичным основаниям и не обеспечивает эффективного судебного контроля за ранее проведенными мероприятиями. Конституционный суд не согласился с доводами заявителя и, ссылаясь на свои прежние решения, указал на то, что органы, осуществляющие ОРД, запрашивая разрешение на проведение ОРМ, должны опираться не только на предположения о наличии признаков преступления, «но и на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие обоснованность таких предположений», а судья должен выносить решение о продлении сроков проведения ОРМ «на основании вновь представленных материалов»². Таким образом, Конституционный суд признал допустимым неоднократное продление сроков проведения ПТП при наличии новых оснований и с учетом полученных ранее сведений, обосновывающих необходимость такого продления.

Такой же позиции придерживается и Верховный суд, разъяснивший, что в случае необходимости продления сроков ПТП орган, осуществляющий ОРД, представляет в суд постановление с ходатайством о необходимости продления срока действия вынесенного ранее постановления судьи, в котором должна содержаться ссылка на предыдущее судебное решение с указанием срока проведенного ОРМ и его результатов, а также обосновываться необходимость продолжения мероприятия с приложением материалов, подтверждающих указанную информацию. При этом судья в постановлении о разрешении проведения ПТП должен мотивиро-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 14412/15-01/15 от 25.12.2015.

² Определение КС РФ от 25 марта 2021 г. № 436-О.

вать необходимость продолжения проведения ОРМ и определить срок его действия¹.

В ряде обращений в Конституционный суд ставился вопрос о недопустимости использования в доказывании результатов ПТП, полученных за пределами 6-месячного срока, предусмотренного ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД. Согласно этой норме фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. К сожалению, в этой норме не раскрывается понятия служебных интересов и интересов правосудия, позволяющих продлять сроки хранения фонограмм, не устанавливается процедура и предельно максимальные сроки такого продления, а также механизм контроля за соблюдением этого требования. Это обстоятельство способствует произвольно длительному и не всегда обоснованному хранению фонограмм с результатами ПТП, что вызывает жалобы в Конституционный суд. Так, в материалах одной из них приводились факты использования фонограмм телефонных переговоров, полученных за пять лет до возбуждения уголовного дела, причем в течение этого времени неоднократно выносились решения об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии отменялись². Из материалов другой жалобы следовало, что фонограммы переговоров, полученные в результате ПТП, были представлены следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по истечении 19 месяцев после истечения 6-месячного срока их хранения и впоследствии признаны допустимыми доказательствами в судах общей юрисдикции при рассмотрении данного уголовного дела³.

¹ Информация Судебной коллегии по уголовным делам и Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий от 5 июня 2014 года № 9/5829. Документ в открытой печати не публиковался.

² Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 14412/15-01/15 от 25.12.2015.

³ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 26/15-01/19 от 09.01.1919.

Однако Конституционный суд не посчитал нарушенными права авторов этих обращений и в ряде своих решений сформулировал правовую позицию о том, что уничтожение фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, без учета служебных интересов, направленных на достижение целей и задач ОРД, а также интересов правосудия, связанных с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина, делало бы бессмысленным проведение ОРМ и противоречило бы публичным интересам, для защиты которых такая деятельность осуществляется. При этом сама по себе длительность хранения фонограмм телефонных переговоров, обусловленная необходимостью обеспечения служебных интересов и правосудия, как отметил Суд, не означает незаконности их получения, недостоверности содержащейся в них информации и невозможности использования в доказывании по уголовному делу, порядок которого устанавливается УПК РФ¹.

Оспаривая конституционность законодательных норм, регламентирующих ПТП, ряд заявителей ставили вопрос о нарушении своего права на законный суд, поскольку ст. 9 Закона об ОРД закрепила лишь территориальную подсудность рассмотрения судом материалов об ограничении прав граждан, наделив таким правом суды, как правило, по месту проведения ОРМ или по месту нахождения органа, ходатайствующего о их проведении. При этом данная статья не закрепляет предметную (ведомственную) подсудность и не определяет уровень судов, полномочных рассматривать такие вопросы.

Впервые об этом конкретно было заявлено в жалобе гражданина Д., который нарушение своего права на законный суд усмотрел в том, что ст. 9 Закона об ОРД позволяет оперативно-розыскным органам обращаться с ходатайством о разрешении проведения ПТП в любой суд по своему усмотрению, а не в районный суд, как это установлено ст. 165 и 186 УПК РФ, для получения разрешения на производство контроля и записи переговоров. В Определении КС по данному обращению было отмечено, что ст. 9 Закона об ОРД определяет подсудность рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод при

¹ Определения КС РФ от 28 января 2016 г. № 86-О, от 19 июля 2016 г. № 1671-О, от 5 июня 2018 г. № 1404-О, от 28 февраля 2019 г. № 561-О и др.

проведении ОРМ лишь по территориальному признаку и не регулирует вопросы родовой (предметной) подсудности этих материалов судам определенного уровня. Поскольку иными нормами Закона об ОРД этот вопрос не урегулирован, то Конституционный суд установил, что определение подсудности конкретных дел и материалов относится к ведению судов общей юрисдикции. При этом решение о принятии тем или иным судом к рассмотрению ходатайства о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, должно приниматься исходя из положений не только ст. 9 Закона об ОРД, но и ст. 165 и 186 УПК РФ, определяющих подсудность материалов по ходатайствам органов предварительного расследования о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, а также ст. 31-36 того же кодекса, устанавливающих общие правила подсудности уголовных дел, в связи с возбуждением или расследованием которых проводится соответствующее ОРМ¹. Таким образом, в этом решении на основе принципа аналогии права признавалось допустимым рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан по правилам ст. 165 УПК РФ, устанавливающей в качестве компетентного органа районный суд.

Затронутый вопрос нашел отражение также в Постановлении Пленума ВС РФ, который рекомендовал верховным судам республик, краевым, областным судам, судам городов федерального значения, судам автономной области и автономных округов, окружным (флотским) военным судам принимать к своему рассмотрению материалы, подтверждающие необходимость ограничения права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. При этом районные суды и гарнизонные военные суды не могут отказать в рассмотрении таких материалов в случае представления их в эти суды². Таким образом, Пленум Верховного суда в качестве основного субъекта рассмотрения материалов оперативно-розыскных органов об ограничении конституционных прав граждан установил суды

¹ Определение КС РФ от 21 декабря 2006 г. № 560-О.

² О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 1993 г. № 13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уровня субъектов Российской Федерации. Это соответствует положениям ч. 3 ст. 31 УПК РФ, относящей к компетенции судов этого уровня рассмотрение уголовных дел, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну, поскольку на момент получения разрешения о проведении ПТП рассматриваемые материалы, как правило, содержат такие сведения.

В жалобе гражданина Т., осужденного за преступление, совершенное в период его службы в органах внутренних дел, были оспорены положения ст. 9 Закона об ОРД, как позволяющие военным судам рассматривать материалы и выдавать разрешения на проведение ПТП в отношении граждан, не являющихся в соответствии с действующим законодательством военнослужащими либо лицами, проходящими военные сборы. Как следовало из представленных материалов, постановлением председателя гарнизонного военного суда было дано разрешение на проведение ПТП и СИТКС в отношении неустановленного лица по мобильному телефону, принадлежащему другому лицу. Позже было установлено, что этим телефоном в указанный период времени пользовался заявитель, являющийся сотрудником ОВД, но не военнослужащим, а результаты данных ОРМ были использованы в качестве доказательств его вины при вынесении приговора. При этом доводы стороны защиты о том, что результаты прослушивания телефонных переговоров, полученные на основании постановления председателя гарнизонного военного суда, являются недопустимыми доказательствами, были отвергнуты судом на том основании, что разрешение на проведение ОРМ председателем гарнизонного военного суда не свидетельствует о каком-либо нарушении требований ст. 9 Закона об ОРД. Утверждение же осужденного о нарушении его прав, гарантированных ст. 47 Конституции РФ, признано несостоятельным, поскольку выдача разрешения на проведение ОРМ не является рассмотрением дела по существу, которое в дальнейшем по существу было рассмотрено именно тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом.¹

Конституционный суд в данном случае пришел к выводу, что права заявителя оспариваемыми законоположениями нарушены не были. Это решение было мотивировано ссылками на прежние пра-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 1098/15-01/18 от 30.01.1918.

вовые позиции об особенностях процедуры судебного рассмотрения вопроса о разрешении проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан. Данная процедура, как установил Суд, не является ни судебным разбирательством, ни даже подготовительными действиями к судебному заседанию; в данных правоотношениях еще нет сторон, что характерно для уголовного процесса в тех случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту и не известно, можно ли считать деяние преступлением и кто его совершил; в этой процедуре не может быть открытости, гласности и состязательности сторон, иначе негласные ОРМ стали бы просто невозможны, а сама ОРД утратила бы смысл. К тому же, как указал Суд, оспоренные нормы не препятствуют обжалованию судебного решения об ограничении конституционных прав в соответствии с установленной подсудностью¹. Таким образом, Конституционный суд, исходя из особенностей процедуры рассмотрения материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, уравнивает в этом вопросе юрисдикцию гражданских и военных судов, допуская таким образом возможность обращения оперативно-розыскных органов за соответствующим разрешением не только в суды общей юрисдикции, но и в военные суды.

Современная оперативно-розыскная практика немыслима без широкого **использования специальных технических средств** (далее – СТС) для негласного получения информации, однако законодательное регулирование этих вопросов весьма лаконичное и по существу ограничивается предписанием ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД о допустимости использования при проведении ОРМ технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде. В связи с этим вполне закономерно, что в значительном числе обращений в Конституционный суд предметом оспаривания выступает применение в процессе ОРМ негласной аудио- и видеозаписи.

Весьма показательным, что самое первое решение Конституционного суда по вопросам применения норм Закона об ОРД было принято по жалобе, в которой ставилась под сомнение допустимость использования в доказывании по уголовному делу негласной аудиозаписи устных переговоров, произведенной одним из

¹ Определение КС РФ от 27 марта 2018 г. № 842-О.

участников под контролем оперативных сотрудников. Заявительница оспорила конституционность ст. 8 Закона об ОРД, которая, по ее мнению, ограничивает содержание понятия иных сообщений, используемого в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, относя к таковым лишь те, которые передаются по сетям электрической и почтовой связи. Автор обращения исходила из того, что к иным сообщениям, тайна которых охраняется Конституцией РФ, относится любая межличностная коммуникация, осуществляемая в т.ч. путем устных переговоров (разговоров), а потому ограничение такой тайны путем негласной аудиозаписи может осуществляться только на основании судебного решения.

Конституционный Суд не согласился с доводами заявительницы, указав в своем решении на то, что ст. 8 Закона об ОРД не могла быть применена в ее деле, поскольку распространяется лишь на те случаи, когда лица, передающие или принимающие сообщение, предполагают его конфиденциальный характер и не желают доступа к передаваемой информации каких-либо сторонних лиц и органов, а Закон об ОРД не препятствует распространению информации о переданном сообщении кем-либо из участников процесса общения¹. Приведенное положение, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве правовой позиции Конституционного суда, поскольку в нем, по существу, дано толкование понятия тайны сообщений, предполагающее обоюдное волеизъявление на конфиденциальность акта коммуникации. Такое толкование, на наш взгляд, корреспондирует ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В связи с этим право на передачу полученной информации третьим лицам, в т.ч. правоохранительным органам, не может быть обусловлено необходимостью получения на это судебного решения. Поскольку в деле заявительницы производилась запись устных переговоров по воле одной из сторон, то отсюда следует допустимость такого способа фиксации противоправной деятельности проверяемых лиц в процессе ОРД.

При анализе рассматриваемого Определения КС РФ нельзя не обратить внимания на наличие в его мотивировочной части оговорки о том, что сделанный Конституционным судом вывод не

¹ Определение КС РФ от 5 июня 1997 г. № 72-О.

может расцениваться как признание законности действий оперативных сотрудников и как подтверждение допустимости использования полученных в результате записи разговора материалов в качестве доказательств по уголовному делу, поскольку решение этих вопросов относится к компетенции судов общей юрисдикции. Эта оговорка, на наш взгляд, вызвана тем, что в деле заявительницы действия оперативных сотрудников по ее изобличению, состоящие в установлении контроля за передачей предмета взятки, были оформлены как наблюдение, а не как оперативный эксперимент, для производства которого требуется вынесение постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. Таким образом, имело место неправильное применение Закона об ОРД, оценку которому, как указал Конституционный суд, призваны давать суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела по существу.

Обстоятельства дела другого заявителя, привлеченного к уголовной ответственности за покушение на мошенничество, были примерно те же. В его отношении проводились наблюдение и оперативный эксперимент с применением в их ходе средств видео- и аудиозаписи лицом, с которым заявитель при личных встречах вел переговоры относительно совершения противоправных действий. Заявитель, как и в предыдущем деле, оспорил допустимость использования полученных негласным путем записей в качестве доказательств, поскольку они производились без судебного решения. При этом неконституционность оспариваемых законоположений он мотивировал в отличие от предыдущей жалобы иным образом, посчитав это незаконным вторжением в свою частную жизнь. С учетом различия в правовых позициях заявителей Конституционный суд на этот раз свой вывод об отсутствии нарушения прав заявителя мотивировал по-иному. В его решении отмечалось, что использование в ходе проведения ОРМ видео- и аудиозаписи, а также других технических и иных средств, предусмотренных ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД, имеет целью фиксацию хода и результатов проведения соответствующих ОРМ и не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием. По смыслу этого Закона, применение технических средств, в т.ч. средств аудиозаписи, осуществляется в рамках общего порядка проведения соответствующих ОРМ и само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое при-

знается обязательным условием для проведения отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, а не для фиксации их хода и результатов. При этом Конституционный суд обратил также внимание на то, что аудиозапись была осуществлена именно тем лицом, с которым заявитель вел переговоры о совершении преступных действий и с ведома и согласия которого проводились названные мероприятия¹. Эта позиция впоследствии не один десяток раз воспроизводилась и получила свое развитие в других решениях Конституционного суда по аналогичным жалобам.

При проведении ОРМ нередко возникает необходимость аудиозаписи не только устных разговоров, но и переговоров лица, оказывающего содействие оперативным сотрудникам, ведущихся с помощью имеющегося у него средства связи. Такая аудиозапись может осуществляться без подключения к аппаратуре операторов связи путем использования встроенной функции фиксации либо внешнего записывающего устройства бытового назначения. Но при этом в уголовном процессе у стороны защиты, как правило, возникает вопрос о допустимости использования такой аудиозаписи в доказывании, если она производилась без получения на то судебного разрешения.

Такая проблема поднималась в одном из обращений в Конституционный суд. Согласно представленным заявителем документам, в процессе проверки сообщения о совершаемом преступлении оперативными сотрудниками был задержан посредник в передаче взятки, давший согласие оказать помощь в разоблачении лица, которому предназначались находящиеся при нем деньги. После этого его телефонные разговоры с соучастником о передаче денег последнему происходили в присутствии оперативных сотрудников и были без судебного решения и без подключения к аппаратуре оператора связи записаны ими с помощью технических средств. Возможность использования в качестве доказательств полученной таким образом фонограммы телефонных переговоров была оспорена стороной защиты при рассмотрении уголовного дела. Однако суд отказал в удовлетворении ходатайства защиты, мотивируя тем, что обязательность принятия судебного решения на запись телефонных переговоров не распространяется на случаи проведения ОРМ,

¹ Определение КС РФ от 11 июля 2006 г. № 268-О.

в ходе которых один из участников такого разговора добровольно предоставляет для фиксации беседы через средства связи, имеющиеся при нем, звукопринимающее устройство.

В своем решении по данной жалобе Конституционный суд почти дословно воспроизвел мотивировочную часть упомянутого выше Определения от 5 июня 1997 г. № 72-О, в котором допускалась возможность аудиозаписи устных разговоров с согласия одного из их участников¹. Таким образом, Конституционный суд, по существу, распространил свою правовую позицию на ситуацию с возможным ограничением права на тайну телефонных переговоров, когда один из участников коммуникации дает свое согласие на запись своего разговора, проходящего под контролем оперативных сотрудников. В данном случае позиция Конституционного суда, по существу, совпала с толкованием правовых норм судом общей юрисдикции, признавшим допустимым доказательством аудиозапись телефонного разговора, произведенную по согласию одной из сторон без судебного решения.

Анализируя обстоятельства данного дела, нельзя не отметить, что современные мобильные средства связи, как правило, снабжены встроенной функцией записи любых осуществляемых с их помощью переговоров, а активация этого сервиса может осуществляться без уведомления другого абонента. Законодатель не ограничивает возможность такой записи телефонных переговоров, а потому владелец абонентского устройства, использовавший указанную функцию, на основании приведенного выше положения ст. 29 Конституции РФ вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. В связи с этим рассматриваемое решение КС РФ представляется вполне адекватными современному уровню развития средств коммуникации.

Нарушение своих прав при производстве негласной аудио- и видеозаписи авторы обращений в Конституционный суд, как правило, связывают с ограничением при этом неприкосновенности их частной жизни, что обуславливает, по их мнению, необходимость получения судебного разрешения. Однако Конституционный суд такие доводы, как правило, отвергает. Так, в Определении по жалобе лица, осужденного за сбыт наркотиков, обращено внимание на то, что оперативными сотрудниками проводилась запись разго-

¹ Определение КС РФ от 19 марта 2009 г. № 326-О-О.

воров, связанных с проверкой его действий, содержащих признаки преступления. Преступное же деяние, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного суда, не относится к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия, а потому проведение таких ОРМ не может рассматриваться как нарушение прав, гарантированных ст. 24 Конституции РФ.¹ В другом, более позднем, решении Конституционный суд подчеркнул, что «сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, в том числе содержащиеся в устных переговорах, не образуют охраняемую законом тайну, для доступа к которой требуется судебное решение»².

Аналогичной позиции придерживается Конституционный суд при оценке допустимости негласной аудио- и видеозаписи в служебных помещениях, которая, как утверждалось в одном из обращений, ограничивает не только право на неприкосновенность частной жизни, но и на тайну телефонных переговоров, ведущиеся лицами, находящимися в этих помещениях. В его решении по этому поводу разъяснено, что такое ОРМ, как наблюдение, не предполагает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни проверяемого лица, а направлено на достижение только установленных законом целей и задач ОРД. Наблюдение, как установил Суд, представляет собой визуальное, электронное или комплексное слежение и контроль за поведением (действиями) лица, оно направлено на получение информации о признаках его преступной деятельности и не предполагает одновременного прослушивания телефонных переговоров наблюдаемого, которое является самостоятельным ОРМ³. Отсюда следует, что электронное наблюдение в служебных помещениях путем производства негласной аудио- и видеозаписи при наличии законных к тому оснований не ограничивает конституционные права личности, перечисленные в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД, а потому не требует судебного разрешения.

Однако здесь следует отметить, что Европейский Суд по правам человека признает нарушение права на частную жизнь при использовании без судебного разрешения аппаратуры негласной

¹ Определение КС РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О.

² Определение КС РФ от 28 ноября 2019 г. № 3258-О.

³ Определение КС РФ от 21 октября 2008 г. № 862-О-О.

аудиозаписи в служебном кабинете заподозренного в противоправной деятельности лица.¹ Существенное расхождение позиций Конституционного суда и ЕСПЧ по весьма важному для практики ОРД вопросу об условиях проведения электронного наблюдения в служебных помещениях можно объяснить, прежде всего, особенностью конституционного регулирования защиты права на неприкосновенность частной жизни. Согласно части 1 ст. 23 Конституции РФ возможность ограничения права на частную жизнь не связана с обязательностью получения для этого судебного решения, как это предусмотрено в ч. 2 этой же статьи для ограничения права «на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений».

В решениях Конституционного суда затрагивался вопрос и об условиях применения негласной аудио- и видеозаписи в жилых помещениях. Так, в неоднократно упомянутом нами решении по жалобе гражданки И.Г. Черновой отмечалось, что при проведении любых ОРМ, в т.ч. наблюдения, конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища не может быть ограничено без судебного решения, т.е. нельзя проникать в жилище иначе как на основании судебного решения; проведение таких ОРМ возможно только по основаниям, предусмотренным данной нормой, и лишь в связи с таким деянием, по которому производство предварительного следствия обязательно². Отсюда следует, что наблюдение за событиями и разговорами, происходящими в жилых помещениях, проводимое с помощью технических средств, не может осуществляться без судебного решения.

Таким же образом должен решаться вопрос об использовании аппаратуры аудио- и видеозаписи в случаях, когда проверочная закупка происходит в квартире предполагаемого сбытчика. Само по себе вхождение закупщика в жилое помещение с согласия проживающего в нем лица не может рассматриваться как ограничение права на неприкосновенность жилища, но если при этом он негласно вносит с собой радиомикрофон, видеорегистратор либо иное специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, то это уже иной аспект ограни-

¹ Ахлюстин против России: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 7 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение КС РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О.

чения неприкосновенности жилища, требующий, на наш взгляд, судебного разрешения, поскольку согласия владельца жилья на это он не получал.

В то же время нельзя не обратить внимания на одно из решений Конституционного суда по затронутому нами вопросу, в котором он не усмотрел нарушения конституционного права заявителя на неприкосновенность частной жизни в случае проведение проверочной закупки в жилом помещении с использованием СТС без получения на то судебного разрешения. В его решении было отмечено, что необходимость вынесения судебного решения не предопределяется негласностью применения технических средств фиксации наблюдаемых событий при проведении ОРМ, в т.ч. проверочной закупки, сопряженной с проникновением в жилище по воле (с согласия) проживающего в нем лица¹. По поводу этого решения следует отметить, что оно касалось оценки нарушения лишь права на неприкосновенность частной жизни, поскольку именно такой предмет обжалования был сформулирован заявителем, а вопрос об ограничении при этом права на неприкосновенность жилища в нем не рассматривался. Отсюда вряд ли есть основания для вывода о допустимости без судебного решения производства негласной аудио- и видеозаписи в жилище лицом, оказавшимся в нем с согласия жильцов.

Такой вывод напрямую вытекает из приведенной выше правовой позиции Конституционного суда, сформулированной в Определении от 14 июля 1998 г. № 86-О о том, что при проведении любых ОРМ конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища не может быть ограничено без судебного решения. Кроме того, при решении подобных задач в практике ОРД следует учитывать и решение ЕСПЧ по делу «Быков против России» от 10 марта 2009 г., в котором негласная запись с помощью радиомикрофона разговоров, состоявшихся в жилом помещении, без судебного решения была признана нарушившей права заявителя².

Применение СТС при проведении любых ОРМ с последующим представлением полученных аудио- и видеозаписей следователю для использования в процессе доказывания предполагает

¹ Определение КС РФ от 19 декабря 2017 г. № 2898-О.

² Быков против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 10 марта 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предоставление возможности обвиняемому и его защитникам ознакомиться с этими материалами по завершении предварительного расследования и снятия с них копий. Однако на практике нередко случаи отказов в ознакомлении с результатами применения СТС при осуществлении ОРМ под разными предлогами, что является необоснованным ограничением прав обвиняемых.

Так, поводом для обращения в Конституционный суд одного из заявителей стал отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении ему копии видеозаписи проверочной закупки наркотического средства со ссылкой на то, что вещественные доказательства не относятся к числу материалов уголовного дела, с которых обвиняемый вправе снимать копии. В своем решении по этой жалобе Конституционный суд отметил, что ст. 47 УПК РФ предоставляет обвиняемому право снимать копии с материалов уголовного дела, в т.ч. с помощью технических средств. При этом указанная норма, как следует из ее содержания, не связывает реализацию закрепленного в ней права с разрешением копирования лишь каких-либо отдельных документов уголовного дела и запретом снятия копий с являющихся составной частью материалов дела видеокассет, содержащих информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Не исключает снятие копий с такого рода материалов уголовного дела и ст. 81 УПК РФ, поскольку, определяя понятие вещественных доказательств и их процессуальный режим, она не относит этот вид доказательств к числу тех, копирование которых обвиняемому не разрешается¹. Отсюда следует, что отказ в предоставлении возможности обвиняемому копирования видеоматериалов, полученных в процессе ОРД и использованных следователем в процессе доказывания, недопустим. Эта правовая позиция имеет принципиальное значение для всей оперативно-розыскной практики, которая нередко под разными предлогами уклоняется от ознакомления обвиняемых с выносимыми процессуальными решениями, ограничивающими их права и свободы.

Отдельного внимания к себе, как показывает анализ конституционных жалоб, требует проблема обеспечения прав граждан в ходе проведения **сбора образцов для сравнительного исследования**. Так, поводом для обращения в Конституционный суд

¹ Определение КС РФ от 17 июля 2007 г. № 619-О-О.

гражданки Т., являвшейся владелицей ювелирного магазина, стало проведение оперативными сотрудниками данного ОРМ, завершившегося изъятием более 600 находившихся в продаже ювелирных изделий. Заявительница оспорила конституционность п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД, допускающего возможность сбора образцов для сравнительного исследования, а также п. 1 ч. 1 ст. 15 указанного Закона, предоставляющего оперативным службам право на изъятие предметов и документов в ходе проведения ОРМ.

Конституционный суд в решении по данной жалобе сделал вывод, что сами по себе оспариваемые заявителем нормативные предписания не могут рассматриваться как нарушающие ее конституционные права. В мотивировочной части этого решения было указано, что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает в конституционно значимых целях возможность соразмерного ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. Ряд такого рода ограничений предусматривается Законом об ОРД, возложившим на органы, осуществляющие ОРД, обязанность выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления путем проведения различных ОРМ, которые могут проводиться лишь при наличии перечисленных законом оснований. Это требование является обязательным и в случае проведения ОРМ в виде сбора образцов для сравнительного исследования. «Данное мероприятие, – как отметил Конституционный суд, – будучи направленным на обеспечение раскрытия преступлений, не является мерой ответственности за преступление и не связано с лишением лица права собственности. Изъятие имущества органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, носит временный характер, не приводит к его отчуждению и не порождает перехода права собственности к государству». При этом была сделана ссылка на сформулированную ранее правовую позицию, согласно которой временное изъятие имущества в конституционно оправданных целях допустимо при наличии гарантии последующего судебного контроля¹. Таким образом, Конституционный суд, по существу, признал легитимным временное ограничение права собственности при проведении сбора образцов для сравнительного исследования в виде изъятия у предпринимателя части выставленного на продажу товара при наличии установленных законом оснований для

¹ Определение КС РФ от 15 июля 2004 г. № 304-О.

проведения ОРМ и возможности последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью такого изъятия.

Однако это не означает, что действия оперативных сотрудников по изъятию ювелирных изделий в деле заявительницы носили законный характер. Об этом, в частности, позволяет судить содержащаяся в завершающем абзаце мотивировочной части цитируемого Определения оговорка о том, что установление достаточности оснований для конкретного ОРМ, а также проверка фактов возможных нарушений при этом прав заявительницы не входит в компетенцию Конституционного суда. При этом из полученных Конституционным судом материалов следовало, что арбитражный суд принял решение о возврате заявительнице изъятых у нее документов и ценностей, фактически означающее признание незаконности действий оперативных сотрудников. К такому же выводу позволяет прийти и анализ обстоятельств дела заявительницы, поскольку по истечении 6 месяцев после проведенного ОРМ была проведена экспертиза лишь 15 из более чем 600 ювелирных изделий, т.е. все остальные изымались вопреки установленной законодателем цели проводимого ОРМ – сбора образцов для сравнительного исследования. Кроме того, в отношении заявительницы по результатам обследования и сбора образцов не возбуждалось уголовного преследования, а изъятие товаров производилось в целях выявления лиц, реализующих ювелирные изделия с использованием реквизитов подставных лиц¹. Таким образом, сведениями о причастности к противоправным действиям самой предпринимательницы, чье право собственности проводимыми ОРМ ограничивалось, оперативная служба не располагала. Иными словами, в рассматриваемом деле отсутствовали основания для проведения ОРМ, что является прямым нарушением требований ст. 7 Закона об ОРД.

В жалобе гражданина К., привлеченного к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, была оспорена конституционность ст. 6 Закона об ОРД, в соответствии с которой были получены образцы смывов с его ладоней с использованием водно-спиртового раствора. По мнению заявителя, данная норма нарушила его права, поскольку позволила принудитель-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 8106/15-01/03 от 01.07.2003.

но получить образцы для сравнительного исследования без предусмотренных законом оснований. Однако Конституционный суд не обнаружил нарушения прав заявителя, указав на то, что Конституция РФ допускает в конституционно значимых целях возможность соразмерного ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. Ряд такого рода ограничений предусматривается Законом об ОРД. Согласно пункту 2 ч. 1 ст. 7 указанного Закона оперативно-розыскные мероприятия, в т.ч. связанные с ограничениями конституционных прав граждан, в случае отсутствия достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела могут быть проведены на основании полученных соответствующими органами сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Указанное основание для проведения ОРМ является обязательным и в случае осуществления предусмотренного в оспариваемой статье ОРМ в виде сбора образцов для сравнительного исследования. Целью данного ОРМ, как отметил Конституционный суд, является сбор юридически значимой информации, ее последующая проверка, сопоставление и оценка фактов, свойств или признаков двух или более объектов. Отсюда Судом был сделан вывод, что законодательство устанавливает основания для проведения ОРМ в виде сбора образцов для сравнительного исследования, а потому сама по себе оспариваемая норма конституционные права заявителя в указанном им аспекте не нарушает¹.

Немаловажное значение для оперативно-розыскной практики имеет правильное понимание эволюции в позициях Конституционного суда, касающихся условий получения образцов голоса подозреваемого (обвиняемого) с целью их использования для фоноскопических исследований. Впервые этот вопрос был поднят в жалобе привлеченного к уголовной ответственности гражданина Б., который отказал следователю в предоставлении образцов своего голоса, сославшись на ст. 51 Конституции РФ, гарантирующую право каждого не свидетельствовать против себя самого. В этой ситуации оперативные сотрудники получив письменное поручение следователя, провели в условиях следственного изолятора опрос заявителя с применением негласной аудиозаписи, а кассета с по-

¹ Определение КС РФ от 23 сентября 2010 г. № 1196-О-О.

лученной записью впоследствии была направлена следователем эксперту, проводящему фоноскопическую экспертизу, в качестве образца голоса подозреваемого. Заявитель посчитал неконституционным такой способ получения образцов голоса, поскольку он не предполагает присутствия адвоката, разъяснения подозреваемому его процессуальных прав, а также возможности воспользоваться правом, гарантированным ст. 51 Конституции РФ.

Конституционный суд, по существу, согласился с доводами заявителя, касающимися обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь, поскольку в основу мотивировочной части своего решения положил сформулированную ранее правовую позицию, согласно которой нормы Закона об ОРД не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, вытекающих из предписаний ст. 48, 49 и 51 Конституции РФ, а оперативно-розыскные мероприятия, сопровождающие производство предварительного расследования, не могут подменять процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ¹. Эта правовая позиция была признана применимой к ситуации, имевшей место в деле заявителя, т.е. к проведению опроса с целью получения образцов для сравнительного исследования, порядок которого предусмотрен ст. 202 УПК РФ². Иными словами, Конституционный суд установил, что получение образцов голоса у обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу для проведения фоноскопических экспертиз должно осуществляться исключительно в процедуре, предусмотренной ст. 202 УПК РФ. Такой подход к оценке условий сбора требуемых образцов существенно ограничил возможности правоохранительных органов в получении необходимых доказательств в ситуациях противодействия расследованию, когда виновные лица отказывают в предоставлении образцов своего голоса.

Указанное решение Конституционного суда получило свое закрепление путем воспроизведения в тексте другого Определения, вынесенного по жалобе, в которой оспаривались положения ст. 186 и 202 УПК РФ, как допускающие возможность получения образцов для фоноскопических исследований голоса путем производства негласной записи оперативного сотрудника с обвиняемым

¹ Определение КС РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О.

² Определение КС РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О.

по уголовному делу¹. Как следовало из представленных материалов, после ареста заявительницы оперативные сотрудники, взяв разрешение суда на проведение контроля и записи переговоров с целью получения образцов ее голоса, провели ее опрос в служебном кабинете, который негласно записали на видеоаппаратуру. Видеозапись опроса и его стенограмма были представлены следователю и использовались им в качестве самостоятельных доказательств обвинения.

Несмотря на то, что приговор, вынесенный по делу заявительницы, вызывает полное доверие с точки зрения своей обоснованности и справедливости, тем не менее описанные в жалобе действия оперативных сотрудников оставляют сомнения в правильности применения оспоренных заявительницей правовых норм. Как известно, ст. 186 УПК РФ, на основании которой в данном деле было получено судебное разрешение на проведение контроля и записи телефонных и иных переговоров, имеет своей целью прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации и не регламентирует порядок получения образцов для сравнительного исследования, установленный ст. 202 УПК РФ. Расширительное истолкование этих статей может быть оправдано лишь тем обстоятельством, что нормы УПК РФ, к сожалению, не предусматривают способов получения образцов для сравнительного исследования в случае отказа подозреваемого (обвиняемого) от их предоставления. При отсутствии же таких образцов становится невозможным проведение фоноскопических экспертиз, необходимых для проведения полного и объективного расследования, чем, по существу, блокируются публично-правовые цели уголовного судопроизводства, направленные на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Учитывая вышеизложенное, правоприменительная практика вопреки приведенным выше позициям КС РФ продолжала использовать негласные ОРМ для получения образцов голоса, вызывая тем самым новые обращения в Конституционный суд, в которых затрагивались ранее не учитываемые в его решениях аспекты рассматриваемой проблемы. Так, в жалобе гражданки У. оспаривалась конституционность целого ряда статей УПК РФ и Закона об

¹ Определение КС РФ от 25 февраля 2011 г. № 261-О-О.

ОРД, которые, по ее мнению, позволяют получать образцы голоса для сравнительного исследования путем проведения ОРМ по поручению следователя в случае отказа лица от предоставления таких образцов в уголовно-процессуальном порядке, подменяя тем самым порядок производства следственных действий, установленный ст. 186 и 202 УПК РФ. Согласно представленным заявительницей материалам, она отказалась от предоставления образцов своего голоса, а потому следователем было дано поручение о проведении ОРМ, направленных на получение свободных образцов ее голоса, результаты которых в виде звукового файла приобщены к уголовному делу и использованы в доказывании. В своем решении по данной жалобе Конституционный суд с учетом накопленного правового материала и ранее не рассматриваемых аспектов кардинально скорректировал свой прежний подход к рассматриваемой проблеме и обстоятельно аргументировал свою новую правовую позицию.

Прежде всего, он указал на то, что ст. 202 УПК РФ, предусматривающая право следователя получать образцы для сравнительного исследования у подозреваемого (обвиняемого), допускает возможность принудительного их изъятия при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности. В то же время образцы голоса подозреваемого (обвиняемого) в силу их специфичности не могут быть получены в рамках предусмотренной процессуальной процедуры, даже принудительным путем, если лицо отказывается от их предоставления следователю, что делает невозможным реализацию положений ст. 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства. В этих условиях получение образцов голоса для сравнительного исследования у подозреваемого (обвиняемого) допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных действующим законодательством.

Далее в Определении анализируются положения Закона об ОРД, согласно которым одним из оснований для проведения ОРМ является поручение следователя по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в его производстве, а результаты ОРД, в свою очередь, могут представляться следователю, быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, а также в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального

законодательства. Эти положения, как установил Суд, находятся в системном единстве с нормами УПК РФ, наделяющими дознавателя и следователя полномочиями давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, результаты которых могут быть использованы в доказывании. При этом проведение ОРМ закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Общность же публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как УПК РФ, так и Закона об ОРД, позволили Суду сделать вывод о том, что проведение ОРМ по поручению дознавателя, следователя не противопоставляется следственным действиям, а согласуется с ними.

Анализируя гарантированное ст. 51 Конституции РФ право не свидетельствовать против себя самого, Конституционный суд ссылкой на свои прежние решения отмечает, что данное право предполагает возможность лица отказаться от дачи показаний и от представления правоохранительным органам других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении правонарушения. Вместе с тем оно не исключает возможность проведения различных процессуальных действий, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств. Далее здесь же отмечается, что при получении образцов для сравнительного исследования подозреваемый (обвиняемый) не понуждается к свидетельствованию против самого себя по смыслу ст. 51 Конституции РФ, не делает заявлений о своей виновности и не представляет каких-либо доказательств. При этом сам по себе образец не является доказательством, а служит предметом для исследования, средством для проведения следственных действий и получения доказательства, которое подлежит проверке и оценке в установленном процессуальном порядке. Здесь же Конституционный суд воспроизвел свою известную позицию о том, что результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. Вышеперечисленные доводы позволили Конституционному суду прийти к окончательному вы-

воду о том, что оспариваемые заявительницей законоположения не могут расцениваться как нарушающие ее конституционные права¹. С принятием этого решения прежнюю правовую позицию о недопустимости подмены процессуального получения образцов для сравнительного исследования в ходе производства по уголовному делу оперативно-розыскным сбором таких образцов следует считать утратившей силу при разрешении конфликтных ситуаций, связанных с отказом их предоставления следователю или дознавателю.

Из перечня оперативно-розыскных мероприятий, разрешенных Законом об ОРД к применению, немало жалоб вызывает практика применения оперативно-розыскными службами **гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств**. Особенность данного ОРМ заключается в одновременном ограничении целого комплекса конституционных прав граждан, включая право на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, а также право собственности (ст. 21, 23, 25, 35 Конституции РФ). В то же время Закон об ОРД, к сожалению, не определяет содержания рассматриваемого ОРМ, порядка и условий его проведения, а также прав и обязанностей его участников, включая лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются в процессе обследования. Не восполняется этот недостаток и подзаконными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД. В частности, Инструкция МВД России о порядке проведения гласного обследования нежилых помещений не распространяет свое действие на обследование жилых помещений², процедура которых на сегодняшний день остается практически неурегулированной, несмотря на то, что оно ограничивает особо охраняемое Конституцией РФ право на неприкосновенность жилища.

В конституционных жалобах на нормы Закона об ОРД, на основании которых проводятся гласные обследования, обращается

¹ Определение КС РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О.

² Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Утверждена приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

внимание на достаточно широкий спектр нарушений конституционных прав владельцев обследуемых помещений.

К числу таких нарушений, в частности, следует отнести необоснованное изъятие имущества физических и юридических лиц в процессе проведения гласных обследований и его удержание без принятия процессуального решения о признании вещественным доказательством. В тех случаях, когда в ходе обследования изымаются предметы, не являющиеся орудием или средством совершения преступления, а также не изъятые из законного оборота, то это не может не ограничивать права собственности законных владельцев имущества, особенно если его удержание длится продолжительное время.

Так, изъятые в ходе обследования офиса энергетической компании компьютеры оперативная служба отказалась вернуть владельцам по их просьбе через полгода после проведенного ОРМ, несмотря на то, что решение о возбуждении уголовного дела к этому времени так и не было принято. Вместо этого компании было предложено предоставить электронные носители для копирования необходимой информации, содержащейся в изъятых системных блоках. Попытки защитить свое право собственности в судебном порядке успехом не увенчались, поскольку суды общей юрисдикции со ссылкой на ст. 15 Закона об ОРД само изъятие имущества признали правомерным, а от оценки обоснованности его длительного удержания уклонились. В жалобе, направленной в Конституционный суд, справедливо был поставлен вопрос о том, что ст. 15 Закона об ОРД не предусматривает никаких сроков удержания изъятых в процессе ОРМ имущества.

Конституционный суд отказал в принятии данной жалобы к рассмотрению, мотивировав свое решение двумя основными доводами. Во-первых, он указал на то, что оперативно-розыскные органы вправе изымать лишь документы и электронные носители информации, с помощью которых могут быть получены сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Во-вторых, сославшись на одно из своих прежних решений, Конституционный суд отметил, что изъятие документов и электронных носителей информации в процессе ОРД «носит временный характер, не приводит к их отчуждению и не порождает

ет перехода права собственности к государству»¹. Однако сам по себе отказ в принятии жалобы к рассмотрению в данном случае не означает признания правомерности действий оперативных сотрудников.

Сравнительный анализ материалов жалобы заявителя и вынесенного по ней решения позволяет сделать ряд важных для практики комментариев. Во-первых, Конституционный суд в нем подтвердил допустимость ограничения права собственности при проведении ОРМ, направленного на обнаружение и изъятие информации о финансово-хозяйственной деятельности компании.

Во-вторых, не усмотрев признаков неопределенности ст. 15 Закона об ОРД, Конституционный суд дал некоторое ограничительное толкование ее положений, указав на то, что оперативно-розыскные органы «вправе изымать лишь документы и (или) электронные носители информации, с помощью которых могут быть получены сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления», а не любое имущество.

В-третьих, ограничение права собственности в деле заявителя распространялось на два объекта: не только на содержащуюся в компьютере информацию, необходимую для нормального функционирования предприятия, но и не имеющую своего стоимостного эквивалента, но и на ее материальные носители – жесткие диски, которые имеют свое стоимостное выражение. Мотивировка же решения Конституционного суда в основном базируется на анализе защищенности права собственника на информацию, необходимую для ведения хозяйственной деятельности. По этому поводу следует отметить, что механизм ограничения данного права в ст. 15 Закона об ОРД отрегулирован достаточно детально, а потому в этом аспекте решение Конституционного суда не дает повода для дискуссий. В то же время механизм ограничения права собственности на материальные ценности «остался за кадром» рассматриваемого Определения, что объясняется позицией заявителя, несогласного с законодательным возложением на собственника изъятой информации бремени предоставления материальных носителей для ее копирования. Такое законодательное регулирование было признано допустимым.

¹ Определение КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2102-О.

В-четвертых, нельзя не обратить внимания на содержащуюся в этом решении Конституционного суда оговорку о том, что изъятие имущества в процессе ОРД не исключает гражданско-правового порядка возмещения причиненного вреда. Тем самым он признал, что произведенное по результатам обследования изъятие сопряжено с причинением как материального, так и иного вреда собственнику.

В-пятых, в рассматриваемом решении, к сожалению, нет ответа на немаловажный довод заявителя об отсутствии в ст. 15 Закона об ОРД упоминания о сроках удержания изъятого имущества, который в деле заявителя превышал 12 месяцев. Вряд ли такой срок можно признать разумным и допустимым для проверки сообщения о признаках преступления, в порядке которой в деле заявителя производилось изъятие, поскольку ст. 144 УПК РФ максимальный срок такой проверки для принятия по ней процессуального решения ограничивает 30 сутками. При этом ст. 81.1 УПК РФ предусматривает 10-дневный срок для признания изъятых предметов вещественным доказательством, который может быть продлен не более чем на 30 суток, а в случае непризнания их таковыми возникает обязанность возврата их владельцу в 5-дневный срок.

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что право собственности заявителя оказалось незащищенным, а произвольно длительное удержание изъятого имущества оперативной службой нельзя признать законным.

Одним из распространенных поводов для оспаривания в Конституционном суде обследования помещений является нарушение права на неприкосновенность жилища, которое проявляется в разнообразных формах. Одной из таких форм выступает получение согласия на обследование жилого помещения путем введения в заблуждение проверяемых лиц. Так, одному из заявителей сотрудником полиции было предъявлено письменное распоряжение руководителя ОВД на обследование жилого помещения и получена его роспись в ознакомлении с ним без предоставления возможности прочтения напечатанного мелким шрифтом текста, который гласил, что владелец помещения не только ознакомился с распоряжением, но и дает добровольное согласие на обследование своего жилища. Последующая попытка обжаловать действия оперативного сотрудника была безуспешной, поскольку суд сослался на то, что обследование проводилось с согласия владельца жилого

помещения¹. Анализируя обстоятельства данного дела, следует отметить, что письменное распоряжение на проведение гласного обследования выносилось в соответствии с Инструкцией о порядке проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, в п. 1 которой прямо указано, что ее положения не распространяются на обследование жилых помещений². Таким образом, оперативные сотрудники в данном случае использовали незаконное распоряжение своего руководителя и тем самым ввели владельца жилища в заблуждение относительно правомерности своих действий.

В обращении другого заявителя утверждалось, что подписанное им согласие на обследование его жилища было получено от него сотрудниками оперативной службы не до начала его производства, а после завершения, когда он был принудительно доставлен в отдел полиции. Однако суд, вынесший приговор, опираясь на показания проводивших обследование полицейских, посчитал это утверждение способом защиты и признал его ложным³. Анализ же материалов дела заявителя позволяет усомниться в полноте и всесторонности исследования доводов подсудимого, поскольку даже присутствующие при обследовании понятые не смогли подтвердить факта получения на это добровольного согласия проживающего в жилище лица. Получение же согласия на обследование жилого помещения после его фактического завершения следует признать неправомерным.

В практике встречаются также случаи, когда согласие на обследование арендуемого жилья берется не у лиц, которые его снимают и фактически проживают в нем, а у его собственников, имеющих другое место жительства. Такой прием, в частности, описы-

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 13780/15-01/10 от 29 сентября 2010 г.

² Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Утверждена приказом МВД России № 199 от 1 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 13067/15-01/16 от 6 декабря 2016 г.

вался в жалобе гражданина К., безуспешно пытавшегося оспорить в судах общей юрисдикции законность обследования без судебного решения снимаемой им квартиры. Заявитель, у которого при задержании после выхода его из подъезда многоквартирного дома и личном досмотре были обнаружены наркотики, отказался назвать оперативным сотрудникам квартиру, в которой проживал. Полицейские через вахтера дома установили не только номер, но и собственницу квартиры, у которой взяли письменное разрешение на осмотр жилища и провели его с ее участием. В осмотренной квартире были обнаружены и изъяты наркотические средства в особо крупном размере, несколько мобильных телефонов, а также предметы, используемые для расфасовки наркотиков, которые впоследствии признаны вещественными доказательствами по уголовному делу. Суд апелляционной инстанции, отвергая доводы осужденного о незаконности осмотра его места жительства, признал обоснованным сделанный в приговоре вывод, «что поскольку собственник квартиры был установлен оперативным путем... то согласие осужденного на проведение данных следственных действий не требовалось». Кроме того, в судебном решении отмечалось, что «действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит требований о получении согласия всех проживающих в жилище для производства его осмотра». С такими выводами согласились и суды кассационной инстанции¹.

Поскольку обследование жилища заявителя было оформлено протоколом осмотра места происшествия, в своей жалобе в Конституционный суд он оспорил положения ст. 12 «Неприкосновенность жилища» и ст. 117 «Порядок производства осмотра» УПК РФ, как позволяющие признавать законным осмотр квартиры, произведенный без согласия проживающего в ней лица и без судебного решения. В Определении Конституционного суда по данной жалобе было указано, что оспариваемые нормы права заявителя нарушать не могут, поскольку они прямо предписывают проводить осмотр жилища только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая допускает в случаях, не терпящих отлагательства, проведение этого следственного

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 12444/15-01/17 от 8 ноября 2017 г.

действия без судебного решения, на основании постановления следователя или дознавателя с последующим уведомлением судьи. Отвечая же на поставленный заявителем вопрос о законности действий правоприменителей, Конституционный суд отметил, что разрешение вопроса о соблюдении порядка осмотра жилища, равно как проверка факта сокрытия заявителем своего места жительства и оценка оснований для признания протокола осмотра квартиры допустимым доказательством, не относится к его полномочиям¹.

Проводя сравнительный анализ представленных заявителем материалов и вынесенного Конституционным судом решения, следует, прежде всего, отметить, что оно, несмотря на фигурирующие в нем нормы УПК РФ, имеет самое непосредственно отношение к сфере ОРД, поскольку в данном деле оперативные сотрудники действовали одновременно в двойном статусе: как представители органа дознания и оперативной службы. Главным же в этом решении является ответ на вопрос о правомерности использования разрешения собственника сдаваемого в аренду жилья на его осмотр без судебного решения и без согласия проживающего в нем лица. Конституционный суд на этот вопрос не дал прямого ответа, но из его решения логически вытекает, что оспариваемые нормы такого рода действий не допускают, поскольку в них в соответствии со ст. 25 Конституции РФ предусмотрено согласие лишь проживающих в жилище лиц, а не его собственников. В связи с этим действия правоприменителей в деле заявителя нельзя признать правомерными, как невозможно согласиться и с процитированным выше выводом суда апелляционной инстанции о том, что согласия осужденного на осмотр квартиры не требовалось, «поскольку собственник квартиры был установлен оперативным путем». Такой вывод прямо противоречит конституционной норме, для которой не имеет значения, каким путем была установлена квартира подозреваемого в совершении преступления лица, а также ее собственник.

В решении Конституционного суда не случайно также сделана ссылка на ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая позволяет правоприменителям в случаях, не требующих отлагательства, не прибегая к использованию незаконных разрешений от собственников жилья,

¹ Определение КС РФ от 19 декабря 2017 г. № 2817-О.

производить его осмотр с последующим уведомлением об этом суда. Именно этой нормой следовало руководствоваться оперативным сотрудникам для производства осмотра жилища, и факт сокрытия заявителем своего места жительства никак этому не препятствовал. Нельзя также не отметить имевшее место в деле заявителя неверное толкование смысла закона судами общей юрисдикции, считающими необязательным получение согласия всех проживающих в жилище лиц для производства его осмотра. По этому вопросу Пленум Верховного суда прямо указал, что на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра¹. Вышеизложенное позволяет заключить, что право заявителя на неприкосновенность жилища было нарушено вследствие неправильного применения правовых норм в его деле.

В жалобе гражданина Ч. оспаривалась конституционность ст. 8 Закона об ОРД, на основании которой сотрудники ОВД в целях задержания разыскиваемого лица проникли в его жилище, как утверждает заявителем, без согласия на то проживающих лиц и без судебного решения. В Определении Конституционного суда по данной жалобе была сделана ссылка на ч. 2 данной статьи, допускающую проведение ОРМ, ограничивающих право на неприкосновенность жилища, только на основании судебного решения, а также на ч. 3 той же статьи, согласно которой в случаях, не терпящих отлагательства и могущих привести к совершению тяжкого преступления, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, допускается проведение ОРМ, предусмотренных ч. 2 ст. 8, с обязательным уведомлением суда. На основе этого был сделан вывод, что оспариваемая статья не предусматривает возможности проведения оперативного осмотра жилого помещения в целях задержания разыскиваемого лица без судебного решения². Из содержания данного Определения можно сделать вывод о том, что обследование жилища с целью задержания разыскиваемого лица без судебного

¹ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19. П. 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение КС РФ от 18 декабря 2003 г. № 498-О.

решения либо без согласия проживающих в нем лиц, не может производиться в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, поскольку это не обуславливается необходимостью предупреждения тяжкого или особо тяжкого преступления, требующего безотлагательного вмешательства.

В жалобе гражданина П. были оспорены нормы Закона об ОРД, которые, по его мнению, позволили оперативным сотрудникам при исполнении поручения следователя о приводе подозреваемого провести оперативно-розыскное обследование его жилища без его согласия и без судебного решения. В решении по данной жалобе Конституционный суд отметил, что Закон об ОРД, относя обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств к оперативно-розыскным мероприятиям, проведение которых допускается при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, предусматривает возможность его проведения лишь при наличии оснований и с соблюдением условий, закрепленных этим Законом, и запрещает осуществление ОРД для достижения целей и решения задач, им не предусмотренных¹. Отсюда следует, что если привод подозреваемого не был связан с его розыском как лица, скрывающегося от органов расследования, т.е. не был направлен на решение задач ОРД, закрепленных в ст. 2 Закона об ОРД, то проведение обследования жилища без судебного решения, даже при наличии согласия проживающих в нем лиц, нельзя признать правомерным.

Одним из наиболее распространенных поводов для жалоб на проводимые обследования является подмена процессуальных способов собирания доказательств проведением ОРМ до возбуждения дела, когда под видом гласного обследования проводится фактический обыск с целью получения доказательств вины проверяемого лица.

В качестве типичного примера этому можно привести обстоятельства дела одного из заявителей в Конституционный суд, осужденного за незаконный оборот наркотиков. Для документирования противоправных действий оперативные сотрудники получили судебное разрешение на проведение электронного наблюдения в арендуемой им квартире и ее обследования. В результате проведенных ОРМ заявитель был задержан и подвергнут досмотру, в

¹ Определение КС РФ от 25 января 2012 г. № 52-О-О.

результате которого у него обнаружены и изъяты наркотики. Затем последовало обследование арендуемой им квартиры на основании полученного судебного решения, в ходе которого также были обнаружены и изъяты наркотические средства и психотропные вещества, что послужило основанием для возбуждения уголовного дела. Заявитель в своем обращении в Конституционный суд оспорил допустимость негласного наблюдения в жилом помещении с использованием аппаратуры видеозаписи по судебному решению без указания в нем фактических оснований для проведения данного ОРМ, производства личного досмотра задержанного, а также проведения под видом оперативно-розыскного обследования жилого помещения фактического обыска, результаты которых использовались в доказывании по его уголовному делу.

В решении по данной жалобе Конституционный суд указал, что осуществление ОРМ в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу «не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура», а потому был сделан вывод, что оспариваемые нормы не допускают подмену следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями. Далее здесь же была сделана ссылка на сформулированную Конституционным судом более двадцати лет назад и впоследствии многократно подтвержденную правовую позицию, согласно которой результаты ОРМ «являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований» Закона об ОРД, «могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем» на основе норм уголовно-процессуального закона. В завершение мотивировочной части Определения обращается внимание на недостатки правового обоснования позиции заявителя, который, оспаривая конституционность норм закона, аргументирует свою позицию отказами судов в удовлетворении ходатайств стороны защиты о признании незаконными результатов ОРМ и их использования в процессе доказывания, чем, по сути, ставит вопрос об оценке законности действий и решений правоприменителей. Между тем разрешение этого вопроса, включая проверку наличия фактических оснований для проведения наблюдения и оценку содержания действий по произ-

водству обследования, в компетенцию Конституционного суда не входит¹.

Буквальное толкование этого решения позволяет заключить, что вещественные доказательства должны быть получены в установленном процессуальном порядке путем производства следственных действий, а не оперативно-розыскных мероприятий. В деле же заявителя все без исключения вещественные доказательства были получены вне уголовно-процессуальной процедуры, т.е. вопреки требованиям закона и правовым позициям Конституционного суда. При этом суды общей юрисдикции при исследовании доказательств обвинения обязаны были проверить наличие фактических оснований для проведения наблюдения, а также оценить содержание действий по производству обследования. Если бы они это сделали, то обратили бы внимание на то, что обследование однокомнатной квартиры подсудимого, судя по документам, длилось более трех часов и по своему содержанию было фактическим обыском.

Весьма показательным, на наш взгляд, представляется дело еще одного заявителя, осужденного за два эпизода получения взяток. Из представленных им материалов следовало, что до начала оперативного эксперимента, в процессе которого предполагалась передача предмета взятки путем его помещения в почтовый ящик домовладения проверяемого должностного лица, оперативные сотрудники получили судебное разрешение на проведение в доме взяточника обследования для обнаружения и изъятия конверта с помеченными денежными купюрами. Обследование было начато с осмотра почтового ящика, в котором предмета взятки не оказалось, а потому оперативные сотрудники в течение двух часов производили его поиск во всех комнатах двухэтажного жилого дома с использованием служебно-розыскной собаки, пока в одном из помещений не обнаружили спрятанный под коробками конверт с деньгами. Заявитель оспорил действия представителей оперативной службы, которые, по его мнению, вместо разрешенного судом обследования провели в его домовладении фактический обыск², с чем трудно не согласиться, ознакомившись с материалами жалобы.

¹ Определение КС РФ от 28 февраля 2018 г. № 328-О.

² Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 8769/15-01/15 от 6 августа 2015 г.

Понимая стремление оперативных сотрудников обнаружить и изъять предмет взятки, который передавался бесконтактным способом, нельзя в то же время не признать, что спрятанный в двухэтажном домовладении конверт с деньгами, как иголку в стоге сена, найти не так просто, а потому поверхностным визуальным осмотром помещений здесь не обойтись. Анализ приведенной и аналогичных ей ситуаций всегда вызывает вопрос о том, возможно ли было обнаружить и изъять предмет взятки в уголовно-процессуальном порядке путем проведения процессуального обыска? Из дела заявителя следовало, что необходимые основания для этого имелись, поскольку оперативные сотрудники за полгода до описанных событий уже проводили в отношении заподозренного оперативный эксперимент, в процессе которого был документально зафиксирован факт передачи ему взятки, но уголовное дело по какой-то причине своевременно не было возбуждено. До проведения второго оперативного эксперимента правоохранители получили письменное заявление от взяткодателя о вымогательстве взятки, что с учетом результатов предыдущего оперативного эксперимента давало необходимые основания и поводы для возбуждения уголовного дела и получения судебного разрешения на производство обыска в жилище. Отсюда следует, что в данном случае обследование жилища не носило вынужденного характера и не было единственно возможным способом раскрытия преступления, позволяющим хоть как-то оправдать проведение под видом оперативно-розыскного мероприятия фактического обыска, направленного на отыскание тщательно скрытого предмета взятки.

В материалах конституционных жалоб кроме негативных образцов проведения обследования жилых помещений можно встретить и положительные примеры того, как данное ОРМ должно проводиться в рамках закона, не вызывая жалоб на действия правоприменителей. Так, из материалов обращения в Конституционный суд гражданина Т. следовало, что оперативные сотрудники, получив информацию о причастности Т. и Н. к производству психотропного вещества в жилом доме, принадлежащем их знакомому, получили судебное разрешение на обследование этого жилого помещения. Войдя в домовладение, оперативные сотрудники ознакомили находящихся там Т. и Н. с данным судебным решением, а затем произвели визуальный осмотр помещений, в результате которого почувствовали резкий специфический запах химических

реактивов, увидели находящееся в доме лабораторное оборудование, химические реактивы в различных емкостях, а также вещество белого цвета, разложенное для просушки, т.е. обстановка в доме свидетельствовала о признаках незаконного изготовления здесь психотропных веществ. Чтобы зафиксировать обнаруженные следы преступления в установленном уголовно-процессуальном порядке, в дежурную часть ОВД по телефону было сообщено о выявленном факте преступления с просьбой направить дежурную следственно-оперативную группу для осмотра места происшествия. Прибывший следователь произвел детальный осмотр всех помещений, позволивший обнаружить около полукилограмма готового продукта, все оборудование нарколаборатории, а также упаковочные и расходные материалы, а эксперт-криминалист, в свою очередь, изъял следы преступной деятельности и путем экспресс-исследования установил в обнаруженном веществе содержание амфетамина¹. Таким образом, полученных в процессе осмотра места происшествия сведений стало достаточно для возбуждения уголовного дела и применения мер процессуального принуждения в отношении Т. и Н. Описанные действия не вызвали никаких жалоб со стороны осужденных, а поводом для обращения в Конституционный суд стало то обстоятельство, что судья, давший разрешение на проведение обследования жилища, впоследствии участвовал в рассмотрении их апелляционной жалобы в составе судебной коллегии. Однако Конституционный суд не усмотрел в этом нарушения прав заявителя, указав, что предметы изучения и проверки судом при рассмотрении материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ и в случае обжалования приговора имеют различный характер, а потому допустимо участие в этом одного и того судьи.

При рассмотрении решений Конституционного суда по вопросам, связанным с практикой проведения оперативно-розыскного обследования, нельзя не упомянуть о проблеме проведения данного ОРМ в отношении адвокатов. Так, в жалобе экс-адвоката П. были оспорены законоположения, которые, как утверждалось заявителем, позволяют суду удовлетворять ходатайства о проведении обследования в помещениях адвокатских образований

¹ Архив Конституционного Суда РФ. Материалы обращения № 10710/15-01/18 от 11 сентября 2018 г.

без достаточных оснований подозревать адвоката в противоправной деятельности, а оперативным службам – проводить это мероприятие путем активных поисковых действий в помещениях, где хранятся материалы адвокатских производств, содержащих адвокатскую тайну, без гарантий, предусмотренных для обыска в таком помещении. Конституционный суд не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, посчитав, что оспариваемые законоположения не могут расцениваться как нарушающие права заявителя. В мотивировочной части этого решения воспроизведен ряд прежних правовых позиций, касающихся оснований проведения ОРМ и института адвокатской тайны. В частности, им было отмечено, что сведения о преступном деянии адвоката не составляют адвокатской тайны, а Закон об адвокатуре не устанавливает неприкосновенность адвоката, поскольку предполагает получение судебного решения при проведении адвоката лишь тех ОРМ, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности. Обследование же помещений, в т.ч. используемых адвокатами для осуществления адвокатской деятельности, закон увязывает с возникновением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено, но имеется определенная информация о признаках криминального события, которая должна быть проверена в ходе ОРМ. Далее Конституционный суд обратил внимание на содержание п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, согласно которому полученные в ходе ОРМ сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Кроме того, Суд посчитал, что нарушение своих прав заявитель связал с действиями правоприменителей, которые по его утверждению, подменили обыск оперативно-розыскным обследованием без учета особенностей обыска в отношении адвокатов, установленных законом, а потому суть его жалобы сводится к проверке законности таких действий, что не относится к полномочиям Конституционного суда¹. Логический анализ этого решения позволяет заключить, что Конституционный суд признает допустимым проведение обследования помещений адвокатских образований на

¹ Определение КС РФ от 28 июня 2018 г. № 1468-О.

основании судебного решения без соблюдения особых условий, предусмотренных ст. 450.1 УПК РФ для обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Такая позиция может быть объяснена лишь тем, что обследование по своему содержанию не может подменять собой обыск, направленный на обнаружение орудий совершения преступления, предметов и вещей, имеющих значение для уголовного дела, а в процессе его осуществления не могут осматриваться и изыматься предметы и документы, входящие в производство адвоката по делам его доверителей. Такой вывод вытекает и из ранее сформулированной правовой позиции Конституционного суда, согласно которой оперативно-розыскная деятельность и проводимые в ходе ее осуществления соответствующие оперативно-розыскные мероприятия не подменяют процессуальные действия, осуществляемые при проведении дознания и предварительного следствия¹.

Недопустимость отождествления содержания обследования с обыском прямо вытекает из определения данного ОРМ, закрепленного в ведомственном нормативном акте, суть которого почти дословно воспроизведена и многократно растиражирована в комментарии к Закону об ОРД. Согласно этому легальному определению, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств заключается в «непроцессуальном осмотре объектов в целях обнаружения следов преступной деятельности, орудий совершения преступлений, разыскиваемых преступников, а также получения иной информации, необходимой для решения конкретных тактических задач». Обследование, как подчеркивают здесь же авторы комментария, может быть ограничено только осмотром указанных в его названии объектов².

Таким образом, системный анализ материалов конституционных жалоб и принимаемых по ним решений логически подводит к выводу о недопустимости практики проведения гласных обследований, выходящих за пределы визуального осмотра помещений и включающих характерные для обыска активные поисковые действия по обнаружению предметов и вещей, которые предполагается использовать в качестве доказательств совершения преступления.

¹ Определение КС РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

² Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. М.: Норма: Инфра-М, 2022. С. 116.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что в решениях Конституционного суда по жалобам граждан на нормы Закона об ОРД затрагивается весьма широкий спектр вопросов обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности. Анализ этих решений позволяет выявить наиболее типичные недостатки в деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов и допускаемые их сотрудниками ошибки в толковании и применении законодательных норм.

Важное значение имеет правильное понимание как исследователями, так и всеми субъектами ОРД сформулированных Конституционным судом правовых позиций, которые дают необходимые ориентиры в совершенствовании оперативно-розыскной практики.

Определения Конституционного суда об отказе в принятии той или иной жалобы к рассмотрению не могут быть истолкованы как признание законности и допустимости действий и решений, имевших место в деле заявителя, что иногда допускается некоторыми специалистами, поскольку Конституционный суд оценивает конституционность нормы закона, а не правильность ее применения.

Чтобы адекватно понять смысл решения Конституционного суда по той или иной жалобе, следует учитывать аргументы заявителя о неконституционности оспариваемых им законоположений, обстоятельства их применения в его деле и соотнести все это с мотивировкой принятого судебного акта. При этом нельзя упускать из внимания содержащуюся во многих решениях Конституционного суда оговорку о том, что вопрос о правомерности решений правоприменителей, а также оценка содержания их действий по производству того или иного оперативно-розыскного мероприятия в его компетенцию не входят. Смысл этой оговорки состоит в том, что суды общей юрисдикции, имея возможность детально изучить и оценить обстоятельства конкретного дела, обязаны исследовать вопрос о правильности толкования и применения норм Закона об ОРД на основе принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Использование решений Конституционного суда по жалобам на нормы Закона об ОРД и неукоснительное следование выработанным им правовым позициям, по мнению авторов, позволит повысить качественный уровень оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Список использованных решений Конституционного Суда РФ по вопросам оперативно-розыскной деятельности

1. Определение от 5 июня 1997 г. № 72-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юлдашевой Л.А.

2. Определение от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки Черновой И.Г.

3. Определение от 4 февраля 1999 г. № 18-О по жалобе граждан Никольской М.Б. и Сапронова М.И. на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

4. Определение от 1 декабря 1999 г. № 211-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского К.О. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

5. Определение от 6 марта 2001 г. № 58-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова А.В. на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

6. Определение от 2 октября 2003 г. № 345-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи».

7. Определение от 18 декабря 2003 г. № 498-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чумакова А.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 123 и 125 УПК РФ.

8. Определение от 15 июля 2004 г. № 304-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифионовой В.С. на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

9. Определение от 6 февраля 2004 г. № 44-О по жалобе гражданина Демьяненко В.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

10. Определение от 24 февраля 2005 г. № 4-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мотякова Т.М. на нарушение его конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статей 8, 41, и 47 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

11. Определение от 22 апреля 2005 г. № 198-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Верещагина А.А. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

12. Определение от 9 июня 2005 г. № 327-О по жалобе гражданина Чукова А.Н. на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

13. Определение от 20 октября 2005 г. № 375-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макаренко А.М. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 6-9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

14. Определение от 24 ноября 2005 г. № 448-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каланчева В.А. на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

15. Определение от 20 декабря 2005 г. № 473-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А.Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

16. Определение от 24 января 2006 г. № 27-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киштыкова Д.К. на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

17. Определение от 11 июля 2006 г. № 268-О по жалобам гражданина Уразова С.В. на нарушение его конституционных прав

положениями статей 49, 91, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

18. Определение от 21 декабря 2006 г. № 560-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко В.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

19. Определение от 8 февраля 2007 г. № 1-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чахмахчяна Л.Х. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

20. Определение от 8 февраля 2007 г. № 128-О-П об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартиросяна О.Б. на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

21. Определение от 20 марта 2007 г. № 174-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Р.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

22. Определение от 19 апреля 2007 г. № 342-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева П.И. на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

23. Определение от 29 мая 2007 г. № 417-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова К.В. на нарушение его конституционных прав статьями 15 и 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьями 48 и 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

24. Определение от 17 июля 2007 года № 619-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарипова Ю.Ф. на нарушение его конституционных прав статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса РФ, статьей 81 Уголовного кодекса РФ, а также Постановлений Правительства РФ от 6 мая 2004 года «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса РФ» и от 7 февраля 2006 года «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и

психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса РФ».

25. Определение от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Д.Б. на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 УПК РФ и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

26. Определение от 24 января 2008 г. № 102-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева В.В. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

27. Определение от 24 января 2008 г. № 104-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 УПК РФ и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

28. Определение от 1 апреля 2008 г. № 386-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Митришкина С.Ю., Биттирова С.А. и Чуканова Е.Н. на нарушение их конституционных прав положениями статьи 125 УПК РФ.

29. Определение от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайляна С.М. на нарушение его конституционных прав статьёй 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона РФ «О милиции», а также статьёй 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

30. Определение от 24 июня 2008 г. № 356-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева А.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

31. Определение от 15 июля 2008 г. № 460-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Букреева В.В. на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 5, 11 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 13 статьи Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, прокурору или в суд.

32. Определение от 21 октября 2008 г. № 640-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкутяка Д.Я. на нарушение его конституционных прав пунктом 14 части первой статьи 6, частью четвертой статьи 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьей 89 УПК РФ.

33. Определение от 21 октября 2008 г. № 673-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Крюкова В.Ф. и Забелина Н.Г. на нарушение их конституционных прав положениями статей 7, 29, 176, 177 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

34. Определение от 21 октября 2008 г. № 862-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Камалиева М.Д. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

35. Определение от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пишака В.И. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

36. Определение от 19 февраля 2009 г. № 114-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева В.П. на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 125 УПК Российской Федерации и статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

37. Определение от 19 марта 2009 года № 326-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зюбана Д.И. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 13 УПК Российской Федерации и статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

38. Определение от 16 апреля 2009 г. № 404-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Е.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 5 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

39. Определение от 16 апреля 2009 г. № 565-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова И.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 3 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

40. Определение от 28 мая 2009 г. № 629-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штевина В.В. на

нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 189, 190, 192, 278, 281 УПК Российской Федерации.

41. Определение от 26 января 2010 г. №81-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Д.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 5 и пунктом 4 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

42. Определение от 26 января 2010 г. № 158-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Д.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

43. Определение от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Н.И. на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 186 и 202 УПК Российской Федерации.

44. Определение от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Н.А. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

45. Определение от 22 апреля 2010 г. № 487-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Е.Н. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 УПК Российской Федерации.

46. Определение от 22 апреля 2010 г. № 505-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осокина А.Ю. на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

47. Определение от 22 апреля 2010 г. № 532-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшкина С.Г. на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 11 Закона РФ «О милиции», статьями 3, 6 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

48. Определение от 27 мая 2010 г. № 636-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стожарова Г.Н. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 УПК Российской Федерации.

49. Определение от 27 мая 2010 г. № 681-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Араратяна А.Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 6, 15 и 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

50. Определение от 27 мая 2010 г. № 704-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Задорожного А.Л. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 38, 109 и частью второй «Досудебное производство» УПК Российской Федерации.

51. Определение от 27 мая 2010 г. № 752-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чопа В.И. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

52. Определение от 17 июня 2010 г. № 844-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрчука М.Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 6, подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

53. Определение от 23 сентября 2010 г. № 1196-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колобанова А.В. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

54. Определение от 23 сентября 2010 г. № 1197-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвяка М.М. на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

55. Определение от 23 сентября 2010 г. № 1198-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цехмейструка А.А. на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 6 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 228.1 УК Российской Федерации.

56. Определение от 23 сентября 2010 г. № 1210-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Глазовой Ж.В. на нарушение ее конституционных прав рядом положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

57. Определение от 22 марта 2011 г. № 339-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Забелина Н.Г. и Крю-

кова В.Ф. на нарушение их конституционных прав рядом статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

58. Определение от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Ю.Г. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

59. Постановление от 9 июня 2011 г. № 12-П по делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина Аносова И.В.

60. Определение от 21 июня 2011 г. № 803-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ананчева Д.Н. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

61. Определение от 29 сентября 2011 г. № 1257-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никуличева А.А. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

62. Определение от 17 ноября 2011 г. № 1585-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Е.В. на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 5 и частью первой статьи 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

63. Определение от 21 декабря 2011 г. № 1809-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гладкого Ю.А., Кучеркова О.П. и Чупрова О.М. на нарушение их конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

64. Определение от 25 января 2012 г. № 52-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Позднякова О.А. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 5 и пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

65. Определение от 22 марта 2012 г. № 629-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова А.Г. на нарушение его конституционных прав положениями

статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

66. Определение от 11 мая 2012 г. № 814-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аносова И.В. на нарушение его конституционных прав статьями 74, 75 и 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

67. Определение от 19 июня 2012 г. № 1187-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федченко О.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

68. Определение от 17 июля 2012 г. № 1472-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукаша В.И. на нарушение его конституционных прав статьями 86, 166, частью второй статьи 176, статьями 180 и 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

69. Определение от 17 июля 2012 г. № 1473-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилкова Г.С. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

70. Определение от 22 ноября 2012 г. № 2046-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чудова С.В. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

71. Определение от 24 декабря 2013 г. № 2102-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Дальневосточная энергетическая управляющая компания» на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

72. Определение от 22 апреля 2014 г. № 732-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крюкова В.Ф. на нарушение его конституционных прав положениями статей 7, 176,

177, 256 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

73. Определение от 22 апреля 2014 г. № 845-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крюкова В.Ф. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статей 30, 158 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

74. Определение от 29 мая 2014 г. № 1199-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бабкиной В.Ф. на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 5, статьей 7, частью седьмой статьи 8 и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

75. Определение от 23 октября 2014 г. № 2400-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демина О.Е. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частями первой и третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 307, 308 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

76. Определение от 23 декабря 2014 г. № 2980-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина А.В. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

77. Определение от 17 февраля 2015 г. № 388-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новичкова Д.И. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

78. Определение от 17 февраля 2015 г. № 415-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша К.В. на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

79. Определение от 21 мая 2015 г. № 1136-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова А.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

80. Определение от 21 мая 2015 г. № 1184-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шилко Д.М. на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

81. Определение от 23 июня 2015 г. № 1528-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быстрова В.Г. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью первой статьи 46, статьями 75 и 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

82. Определение от 29 сентября 2015 г. № 2053-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лукьяновой А.В. на нарушение ее конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

83. Определение от 27 октября 2015 г. № 2449-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Урбонавичюса Г.Г. на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьями 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2006 года № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

84. Определение от 22 декабря 2015 г. № 2875-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова К.А. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

85. Определение от 28 января 2016 г. № 73-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осипова А.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьями 91–94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

86. Определение от 28 января 2016 г. № 86-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немцовой О.И. на нарушение ее конституционных прав положениями статей 5 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

87. Определение от 26 апреля 2016 г. № 761-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Некрасовой Л.П. на нарушение ее конституционных прав положениями статей 7, 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 73, 171, 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

88. Определение от 26 мая 2016 г. № 1148-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронкова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав положениями частей третьей и четвертой статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», части первой статьи 125 и части третьей статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статей 151 и 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации.

89. Определение от 23 июня 2016 г. № 1323-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова А.М. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

90. Определение от 19 июля 2016 г. № 1671-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисенко Н.Н. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

91. Определение от 25 октября 2016 г. № 2291-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федоровича Е.А. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

92. Определение от 26 января 2017 г. № 79-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилесова Ю.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14.

93. Определение от 28 марта 2017 г. № 568-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской А.Ю. на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

94. Определение от 28 марта 2017 г. № 669-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ситникова А.П. на

нарушение его конституционных прав положениями статей 2, 5, 6, 7, 8 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

95. Определение от 25 мая 2017 г. № 918-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Технюка В.В. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

96. Определение от 28 сентября 2017 г. № 2211-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой В.Б. на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

97. Определение от 19 декабря 2017 г. № 2898-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паука С.Ф. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

98. Определение от 25 января 2018 г. № 189-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Д.А. на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

99. Определение от 28 февраля 2018 г. № 328-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рачкова С.Е. на нарушение его конституционных прав статьями 6, 7 и 8, пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

100. Определение от 27 марта 2018 г. № 842-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тибилова А.Д. на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

101. Определение от 24 апреля 2018 г. № 918-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мерзлова А.Н. на нарушение его конституционных прав статьями 5, 6 и 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 15, 75, 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Уголовного кодекса Российской Федерации.

102. Определение от 29 мая 2018 г. № 1395-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налитова А.В. на нарушение его конституционных прав положениями частей второй, четвертой статьи 8 и частей четвертой, пятой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

103. Определение от 5 июня 2018 г. № 1404-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугробова Д.А. на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

104. Определение от 28 июня 2018 г. № 1468-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пугачева М.М. на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 и частью первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

105. Определение от 17 июля 2018 г. № 2022-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова А.Ф. на нарушение его конституционных прав статьей 5, подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и статьей 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 10 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд.

106. Определение от 25 октября 2018 г. № 2784-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубарева В.В. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

107. Определение от 25 октября 2018 г. № 2792-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ярошенко А.В. на нарушение его конституционных прав статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

108. Определение от 20 декабря 2018 г. № 3381-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сараева А.С. на нарушение его конституционных прав статьями 6 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

109. Определение от 28 февраля 2019 г. № 561-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазуровой Д.А. на нарушение ее конституционных прав положениями статей 5, 11 и 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статей 74, 75, 84 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

110. Определение от 28 ноября 2019 г. № 3258-О об отказе в принятии рассмотрению жалобы гражданина Загиева А.И. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

111. Определение от 27 февраля 2020 г. № 319-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сорокина С.В. на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

112. Определение от 26 марта 2020 г. № 801-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бажова К.О. на нарушение его конституционных прав статьями 4–8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

113. Определение от 30 июня 2020 г. № 1398-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малороссиянцева С.Г. на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 6 и подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

114. Определение от 29 сентября 2020 г. № 2044-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Е.Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 89 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

115. Определение от 29 октября 2020 г. № 2553-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Славского В.А. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 и подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

116. Определение от 29 октября 2020 г. № 2587-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Непомнящего А.Р. на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью

четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

117. Определение от 28 января 2021 г. № 46-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сааи А.П. на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

118. Определение от 25 марта 2021 г. № 436-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леденских И.В. на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьей 4013 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

119. Определение от 26 апреля 2021 г. № 852-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Высоцкого Д.Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 7, частью восьмой статьи 8, частями третьей и четвертой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частями первой, третьей и четвертой статьи 15, частями первой и второй статьи 17, статьей 85, частью первой статьи 86 и статьей 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

120. Определение от 26 апреля 2021 г. № 853-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заболотской Л.В. на нарушение ее конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 5 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 12.6 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде.

121. Определение от 24 июня 2021 г. № 1364-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Е.П. на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

122. Определение от 30 ноября 2021 г. № 2598-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврюшина А.О. на нарушение его конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 195, частью седьмой статьи 38913, частью пятой статьи 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьями 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Содержание

Список используемых сокращений	3
Введение	4
Раздел 1. Типичные поводы жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации на нормы федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»	7
Раздел 2. Оперативно-розыскная деятельность по пресечению незаконного оборота наркотиков	28
Раздел 3. Оперативно-розыскная деятельность по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений	55
Раздел 4. Обеспечение прав граждан при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий	77
Заключение	118
Список использованных решений Конституционного Суда РФ по вопросам оперативно-розыскной деятельности	119

Учебное издание

Чечетин Андрей Евгеньевич,
Шатохин Иван Дмитриевич,
Шмидт Александр Альбертович

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Научно-практическое пособие

Редактор	Е.Г. Авдюшкин
Корректурa	В.А. Телегиной, М.В. Егерь
Компьютерная верстка	М.В. Егерь
Дизайн обложки	О.А. Розум

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.
Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999 г.

Подписано в печать 03.10.2022. Формат 60x84/16.
Ризография. Усл. п.л. 8,5. Тираж 106 экз. Заказ 189.
Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.